

16+

Евгений Горохов

Время собирать камни

Евгений Петрович Горохов

Время собирать камни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34051817

SelfPub; 2020

Аннотация

Первая половина XIX в. На Кавказе идёт война. Горцы нападают на русские сёла и казачьи станицы, угоняя скот и пленных в рабство. В ответ русская армия стирает с лица земли аулы горцев. Имам Шамиль создаёт на Кавказе своё государство – Имамат. Ему нужны офицеры-артиллеристы. Но где их взять среди неграмотных горцев?! Поручик Одинцов переходит на сторону имама Шамиля. Он воюет против русской армии. Корнет Аносов, разжалованный в рядовые за дуэль с Одинцовым, также воюет на Кавказе. Он поклялся отомстить Одинцову за кровь русских солдат. Несмотря на войну, жизнь на Кавказе идёт своим чередом. Горец Абу любит девушку Кхокху, и та отвечает ему взаимностью, но Абу беден. Тогда он крадёт свою любимую. Лечи, брат Кхокху, объявляет Абу кровную месть. Абу служит телохранителем у Одинцова, а Аносов и Лечи объединяют свои усилия, чтобы покарать кровников. В Казани Аносова ждёт жена, которую он оставил сразу после свадьбы.

Всему своё время, и время всякой вещи под небом. Время плакать и время смеяться. Время сетовать и время плясать. Время разбрасывать камни и время собирать камни. Время обнимать и время уклоняться от объятий. Время искать и время терять. Время сберегать и время бросать. Время раздирать и время сшивать. Время молчать и время говорить. Время любить и время ненавидеть. Время войне и время миру.

Книга Екклесиаста.

Глава 1

Октябрь 1840 года выдался хмурым и дождливым. Солнце редко прорывалось сквозь тяжёлые, свинцовые тучи, и не успевало просушить мокрую землю. Кругом лужи и грязь. Уныло поздней осенью в российской глуши: скука, слякоть и тоска смертная. По правде говоря, провинциальная жизнь скучна на развлечения.

20 октября, с самого утра сыпал нудный, морозящий дождь. Непогода прогнала всех с улиц села Кречевицы. Только пьяный сапожник Тимоша, бредёт, меся грязь своими длинными, тощими, как у цапли, ногами. Впрочем, вот и он скрылся в дверях трактира.

Поручик Одинцов отошёл от окна, и сел за стол. Тишину канцелярии батареи, лишь изредка нарушал скрип половиц под ногами часового, расхаживающего в коридоре. Поручик покрутил пуговицу на мундире, а она возьми да ото-

рвись. «Чёрт, незадача! – досадливо поморщился Одинцов, – Федька сволочь опять напился и не привёл мундир в порядок. Да, не фартит мне с денщиками». Действительно, с этим народом Алексею решительно не везло. Первый был лентяй и манкировал своими обязанностями, второй пойман на воровстве. Федька, третий денщик, шустрый малый, лишенный недостатков своих предшественников, да вот беда, большой любитель заложить за воротник.

– Часовой! Ко мне! – крикнул Одинцов, приоткрыв дверь.

Загremели шаги, и на пороге дежурной комнаты, возник рослый, детина лет тридцати. Вытянувшись во фрунт, он доложил:

– Ваше благородие, рядовой Онищенко по вашему приказанию явился.

– У тебя есть нитка с иглой? – спросил Одинцов.

Онищенко с удивлением уставился на офицера.

– Порвали что господин поручик? Дык вам зашивать несподручно будет. Дозвольте мне ваше благородие.

– Не надо братец, – покачал головой поручик. – Твоё дело канцелярию охранять, а не пуговицы господам офицерам пришивать. Я и сам справлюсь, ты только дай мне нитку и иголку. У тебя они должны быть с собой. По тебе видно, ты солдат справный.

– Рад стараться ваше благородие! – Онищенко протянул иголку с чёрной ниткой.

– Благодарствую братец. Теперь иди, служи дальше.

– Слушаюсь ваше благородие! – Онищенко пошёл дальше мерить шагами канцелярию.

В детстве у Одинцова был гувернёр, француз по имени Мишель. Он служил капралом в наполеоновской армии, и попал в плен при отступлении из Москвы, да так и остался в России. Весёлый, неунывающий коротышка, до службы в армии, зарабатывал себе на хлеб, работая портным. Обшивал он французов в славном городе Лионе.

Мишель обучал Алёшу Одинцова французскому языку, а между делом, карточной игре вист. Научил он так же ставить заплаты и пришивать пуговицы. Сейчас навыки портняжного ремесла Одинцову как раз и пригодились.

Сделав дело, Алексей хотел было вздремнуть сидя за столом, но тут за дверью послышались торопливые шаги. Принадлежали они явно не часовому. Одинцов вышел в коридор и увидел фейерверкера своего взвода Тихонова.

– Ваше благородие, разрешите доложить, – выпалил Тихонов, – фельдфебель Назаров приказал мне спешно бежать к вам в канцелярию.

– Что такого могло стрястись?! Опять война с турками? – усмехнулся Одинцов.

– Никак нет ваше благородие, нам об этом ничего неизвестно, – развёл руками Тихонов.

– Тогда что же? Зачем ты братец сломя голову принёсся ко мне?

– Солдат первого года службы Васька Аристархов в петлю

полез. Мы его успели снять и насилу откачали, а он орёт: « Не мила мне жизнь, всё равно себя порешу!»

– Пойдём во взвод, посмотрим на этого горемыку – сказал Одинцов, одевая фуражку.

У казармы их встретил фельдфебель Назаров, старый служака с пышными усами.

– Дозвольте доложить ваше благородие, – начал он, едва Одинцов поднялся на крыльцо, – Аристархов сменился с поста, и должен был отдыхать, а он шельма смастерил себе петлю из пояса да завязал за балку, а потом с табуретки сиганул в неё. Аккурат тут мы с портупей-юнкером Удальцовым зашли. Глядим, Васька в петле хрипит. Удальцов схватил нож, и порезал ремень, а потом за фелшером побёг. Я же послал Тихонова к вашему благородию, а сам значит с Васькой остался.

– Понятно, – кивнул Одинцов. – Фельдшер там?

– Никак нет, – ответил Назаров. – Ушёл, грит, оклемался парень.

– Сам Аристархов что говорит? Зачем в петлю полез?

– Молчит, господин поручик.

– Раз вам не сказал, может мне поведает.

– Дай-то бог, – перекрестился Назаров, – грех то, какой вздумал учудить.

Аристархов, щуплый, парень лет двадцати, сидел на койке. Около него стоял Удальцов, поглаживая свои залихватски закрученные усы. При появлении офицера, Аристархов

вскочил и вытянулся во фрунт.

– Оставьте нас вдвоём, – приказал поручик.

– Слушаюсь, ваше благородие, – козырнул Назаров. Он кивнул Удальцову: – За мной шагом марш!

Одинцов прошёлся по казарме, Аристархов стоя по стойке «смирно», делая равнение то налево, то направо, в зависимости от того где находился поручик.

– Может, расскажешь, что за причина толкнула тебя на самоубийство? – спросил Алексей.

– Чего уж там ваше благородие. Прикажите всыпать мне шпицрутенов, и слажено дело! – посмотрел исподлобья Васька.

– С превеликим бы удовольствием голубчик, – вздохнул Одинцов, – только это не выбьет дурь из твоей башки. Не помогут здесь шпицрутены. А если ты поведаешь мне, что мучает тебя, может и легче стане. Вдруг и я смогу подсказать тебе какое либо решение.

– Как же, дождёшься от господ помощи! Держи карман шире! – зло усмехнулся Василий.

– Ты только что, чуть было, не переступил черту, что отделяет живых от мёртвых, потому я прощаю тебе, твои дерзкие слова. Однако ты упомянул господ, и я не понял о чем ты. Изволь объяснить.

– А чего уж там! – махнул рукой Васька. – Девка у меня была. Обвенчаться хотели, да меня в солдаты забрали. А

намеднись деревенского своего видел, он на подённую сюда приехал. Говорит, спуталась моя Анютка с барином нашим. Он в прислугах девок содержит и пользуется их. Грешат в бане все скопом, и бога не боятся.

– Он что насилует их?

– Зачем?! Сами к нему лезут. Барин им материи отрез спрезентует али бусы какие подарит, а они и рады радёшенки. А барин-то наш, до бабьей ласки дюже охоч. Вот таперича, и Анютку мою приблизил. Вам же господам всё дозволено! Она как узнала, что Михей сюды на заработки собрался, так велела яму сыскать меня, да передать, чтоб и думать о ней забыл.

– Если твой барин её не насилует, и она добровольно ушла к нему, следовательно, это её выбор. И потом, тебе ещё служить как медному котелку! Что ж ты, рассчитывал, что она до старости тебя ждать будет? Всё равно бы замуж вышла бы.

– Дык коли по-людски замуж вышла, не муторно было бы на душе!

– Скажи Василий, а бывали ли девушки, что отказывали вашему барину?

– Знамо были.

– Вот видишь! Я вот что хочу сказать, ваши ли деревенские девки, или барышни-дворянки, все одинаковы. Среди них встречаются и такие как твоя Анюта, а есть и другие, те, что берегут свою честь. Для них это превыше любых бо-

гатств, – говоря это, Одинцов про себя усмехнулся, подумав: «Правда, я таких почему-то не встречал», – но вслух продолжил: – Но у нас ещё будет время поговорить с тобой об этом. Только ты должен дать мне честное слово, что больше не будешь делать попыток суицида.

– Чего? – не понял Васька.

– Больше не полезешь в петлю, и вообще ни каким образом не лишишь себя жизни. Не ты её себе дал, следовательно, не тебе и лишать себя жизни.

– Слушаюсь ваше благородие, – ответил Васька.

– Вот и славно, я прикажу Назарову сегодня дать тебе отдохнуть. Ну а дальше видно будет.

Одинцов, вышел из казармы. На крыльце стояли Назаров, Удальцов и Тихонов, увидев поручика, они вытянулись во фронт. Надевая перчатки, Одинцов сказал:

– Вот что Назаров, мой денщик порядком надоел мне.

Пьет мерзавец.

– Прикажете всыпать ему шпицрутенов господин поручик? – спросил Назаров.

– Не надо, – покачал головой Одинцов, – возьму Аристархова.

– Уразумел ваше благородие, – козырнул Назаров, – тотчас же пошлю Ваську к вам на квартиру.

– Вечером пришьешь, – возразил Одинцов. – Сейчас дай ему отдохнуть.

Одинцов отправился обратно в канцелярию. Дождь боль-

ше не шёл, но на улице по-прежнему не было ни души. Поручик думал о Ваське Аристархове и совершенно не смотрел за дорогой. А зря! Чуть было не угодил под ноги лошадей.

По пустынной улице катила коляска, в которую была запряжена тройка вороных рысаков. Правый пристяжной жеребец, толкнул мордой Одинцова. От удара, у того слетела фуражка.

– Эх, господин офицер, смотреть надеть за дорогой! – в сердцах плюнул кучер.

– А ты сивая рожа, налил бельма и не видишь куда едешь! – взревел Одинцов. – Сейчас я тебя мерзавец стащу с козел, да измордую.

– Будьте же милосердны господин поручик, – раздался из экипажа нежный женский голосок, – бедняга-кучер и так до смерти напуган.

«Обладательница такого голоса должна быть красавицей», – подумал поручик, посмотрев в экипаж, он убедился, что не ошибся. Женщина была прекрасна, белокурая, красавица лет тридцати. Её томный взгляд, больших, голубых глаз и пухленькие губки, вызывали одно желание, обладать ей. Греховные мысли зашевелились клубком змей и в голове Одинцова, но женщина была не одна. Спутник её, со сморщенным, как печёное яблоко лицом, брезгливо смотрел на Алексея.

– Я приношу вам свои извинения господин поручик, – проскрипел он, – кучер будет мной тотчас же наказан, а сей-

час разрешите нам проехать.

До чего ж не приятен вид у этого господина! Одинцов поднял фуражку, и сделал шаг в сторону. Коляска тронулась с места, и скрылась за поворотом, а поручик побрёл к себе в канцелярию. После столкновения с лошадыю, мысли о Ваське Аристархове вылетели из его головы.

Коляска же въехала на площадь что была в центре Кречевиц. Находились тут церковь, бакалейная лавка купца второй гильдии Семенихина и постоялый двор. Стоило экипажу остановиться у постоялого двора, как тотчас же на крыльцо выскочил половой, длинный, вертлявый парень, с прилизанными, чёрными волосами и тонкими усиками. Маленькие, раскосые глазки делали его похожим на крысу. Одет этот молодец был в грязную, ситцевую рубаху, красного цвета. Рубаха его наводила на унылую мысль, что и в гостинице не чище.

Белокурая красавица первой вышла из коляски, а следом её спутник. Он оказался почти на голову ниже своей дамы. Ноги его были слегка согнуты в коленях, а непропорционально длинные руки, делали этого господина похожим на обезьяну. Едва только эта пара поднялась на крыльцо, половой, склонившись в низком поклоне, высоким голосом, пропихнул:

– Милости просим-с в наше заведение.

– Голубчик, соблаговоли-ка приготовить мне и графине комнаты. Да вели накрыть стол, проголодались мы изряд-

но, – проскрипел в ответ обезьяноподобный господин.

– Будет исполнено! – половой кинулся перетаскивать чемоданы.

– Павел Афанасьевич, голубчик вы ли это? – раздался за спиной путешественников удивлённый голос.

Коротышка оглянулся, у коляски стояли два драгунских офицера: корнет и поручик.

– Если не ошибаюсь, господин Лежин? – спросил обезьяноподобный Павел Афанасьевич.

– Нет, не ошибаетесь, это я. Как поживаете? Что за нужда привела вас в эти богом забытые края? – улыбался поручик.

– Благодарю, я живу не плохо. Путешествуем с графией, вот и до ваших Кречевиц добрались. Кстати господа прошу знакомиться с моей спутницей, графиня Скобаньская.

Указав графине на Лежина, коротышка заскрипел:

– Честь имею представить, Лолина Юзефовна, мой давнишний приятель, поручик Александр Лежин.

– У вас Павел Афанасьевич, везде находятся знакомые, куда бы мы ни приехали, – улыбнулась графиня, подавая Лежину руку для поцелуя.

Тот галантно приложившись к ручке, представил своего спутника:

– Знакомьтесь господа, мой друг, корнет Аносов.

– Надеюсь, у корнета есть имя? – рассмеялась графиня.

– Конечно мадмуазель, меня зовут Владимир.

– Что ж господа, думаю, мы ещё увидимся, – нетерпеливо

сказал Павел Афанасьевич, – а сейчас позвольте откланяться.

– Мы не смеем вас задерживать, и надеемся на встречу, – Лужин поклонился.

Графиня со своим спутником вошли в постоянный двор, а офицеры отправились по своим делам.

– Славная мармулетка эта графиня, – сказал Лежин, чмокнув губами. – Интересно кем она доводится этому обороту. Не жена, это точно. Может любовница? Ну, ничего раз узнаем. Этот Бошняков, заядлый игрок. В Петербурге мы с ним немало времени провели за карточным столом.

Раньше Лежин служил в лейб-гвардии Семёновском полку. Кутила и мот, как и все гвардейцы, Сашка был заядлым картёжником. Из-за этой пагубной страсти, у его матушки появилось немало седых волос на голове. Она оплачивала все его карточные долги, а потом терпение и кошелёк матушки стали иссякать. Однажды она заявила, что больше не даст Сашке ни копейки. Если же он и дальше будет так безалаберно себя вести, то и вовсе лишит его наследства. Дела Сашкины пошли совсем худо.

Он вечно был по уши в долгах. Дошло до того, что ему пришлось скрываться от своих наиболее ретивых кредиторов. В конце концов, разгорелся скандал, и матушка, употребив все свои связи, добилась его перевода в Кречевицы, подальше от соблазнов столичной жизни.

Улыбнувшись своим воспоминаниям, Сашка сказал:

– Ладно, к Павлу Афанасьевичу мы ключик подберём! А через него подступимся поближе к графине. Умеючи Володечка можно сделать всё. Через неделю я расскажу тебе, как кричит она в постели, когда махается.

– Не строй из себя героя-любownika Сашка. И почему ты решил, что понравиться ей.

– А ты думаешь, она без ума от этой обезьяны, Бошнякова?

– В самом деле, что их связывает?

– Ну не любовь же – рассмеялся Сашка.

Лежин оказался прав, не любовь связывала Бошнякова и графиню. Оба они являлись агентами Бекендорфа – начальника третьего отделения собственной Его императорского величества канцелярии. Проще говоря, жандармерии.

После польского восстания в 1830 году, шефу жандармов всюду мерещились заговоры. Особенно он опасался их в армии. Бошняков со Скобаньской шныряли в обеих столицах, разнюхивая, нет ли где заговора.

В октябре Скобаньская и Бошняков, получили от Бекендорфа задание ехать Кречевицы. Сексотам надлежало узнать там настроения офицеров, разнюхать, не ведутся ли крамольные разговоры. Большие надежды Бекендорф возлагал на обольстительные чары пани Скобаньской, и надо сказать не без оснований.

В 1830 году в Кракове, ей удалось втереться в доверие

к руководителю кружка польских националистов Исидору Млинскому. Тот пытался организовать партизанский отряд, для борьбы с русскими. Конфедерат Млинский, в постели много секретов выболтал соблазнительной графине. По её доносу он со своими сторонниками был арестован. Все заговорщики, по приговору суда отправились в Сибирь на каторжные работы, а Млинский так и не узнал, кто явился причиной его бед.

Пока очаровательная графиня и её менее оболъстительный спутник обедали, к постоялому двору подвезли служанку Скобаньской, и она тотчас же начала приводить в порядок гардероб хозяйки, а господа отобедав, отправились делать визиты.

«А этот корнет, очаровашка», – подумала графиня, садясь в экипаж.

Тем временем очаровашка Аносов, вместе с Сашкой Лежиным стояли навытяжку перед своим командиром полка, генерал-майором Оффенбергом. Тот принимал их дома, в своём кабинете. С самого начала аудиенции, генерал приступил к главному, заявив:

– Господа офицеры, беседа наша носит неофициальный характер, и надеюсь, разговор наш будет конфиденциальным.

Аносов и Лежин поклонились, всем своим видом давая понять, что слушают они очень внимательно.

– Так вот, – продолжил Оффенберг, – мне стало известно

о вашей ссоре, третьего дня, с подпоручиком Васнецовым. Дело дурно пахнет. Только дуэли в полку мне ещё не хватало.

– Ваше высокопревосходительство, мы с корнетом Аносовым вас не совсем понимаем, о какой дуэли вы изволите говорить?

– Молчать! – рявкнул Офенберг. – Мальчишки, жизнь себе изломать хотите! Ещё раз повторяю, мне всё известно! Я не сегодня родился и прекрасно знаю, чем заканчиваются такие ссоры. Так вот господа, я хочу вас предостеречь от последствий, куда вас может завлечь, ваше пагубное безрассудство. Потому приказываю вам, никаких ссор с Васнецовым! Держитесь от него подальше!

– Ваше высокопревосходительство, но честь офицера... – начал Аносов.

– Честь офицера состоит в преданном служении государю и отечеству, а не в дуэлях по пустым поводам, – резко оборвал его генерал.

Лежин решил поддержать друга.

– Однако ваше высокопревосходительство... – начал он.

Но Офенберг нетерпеливо махнув рукой, продолжил:

– Перестаньте ломать комедию господа! Ещё раз, настойчиво вам рекомендую, более того, приказываю, держаться подальше от Васнецова! Прошу вас господа, дать мне слово чести, что с вашей стороны не будет ни каких попыток к разжиганию конфликта. Не беспокойтесь, с Васнецовым я так же буду иметь беседу по этому поводу. Смею вас уверить,

ему будут даны подобные же указания.

– Будет исполнено ваше высокопревосходительство, – ответил за обоих Лежин.

– Надеюсь, господа, я достаточно ясно выразил свою волю, – кивнул Офенберг. – Больше я вас не задерживаю.

Щёлкнув каблуками, офицеры вышли из кабинета. На улице вновь заморосил дождь, подставив ладонь под его капли, Лежин сказал:

– Быстро Прусак всё разнюхал.

У крыльца остановилась коляска, из которой вышли графиня и Бошняков.

– Интересное совпадение господа офицеры, – рассмеялась графиня, – куда бы мы с Павлом Афанасьевичем не поехали, везде встречаем вас.

– Здесь нет ни чего удивительного, – пожал плечами Аносов. – Нас вызывал командир полка.

Мило улыбнувшись, графиня заворковала:

– Мы так же направляемся к его высокопревосходительству. До скорой встречи господа.

Графиня с Бошняковым вошли в дом генерала, а друзья пошли своей дорогой.

«Уважаемый Иван Петрович!

Мой старинный приятель Павел Афанасьевич Бошняков, по своим делам направляется в Кречевицы.

Зная твоё радушие и желание помочь ближнему, прошу

тебя оказать всяческую помощь господину Бошнякову, если таковая ему потребуется.

Передай от меня нижайший поклон супруге Наталье Дмитриевне, и дочерям своим и моим крестницам Нинель и Поленьке.

С глубочайшим уважением, князь Илларион Васильевич Васильчиков».

Прочитав письмо, Офенберг задумался. Генерал от кавалерии Васильчиков был шефом его полка. Они приятельствовал, но Офенберг был уверен, что никогда бы Васильчиков не обратился к нему с такой просьбой, о которой упоминал в своём письме. Что бы это значило? Взглянув на слугу, стоявшего у дверей, Офенберг спросил:

– Где этот Бошняков?

– Здесь-с. Ожидают вместе с дамой.

– Что ж зови.

Ночью ветер разогнал тучи, и всякий, кому вздумалось бы гулять в столь поздний час, мог лицезреть на небе ярко блестящие звёзды и отливающую серебром луну. Кто же, однако, будет месить грязь в такую темень? По ночам только Ванька, сын купца Семенихина, бегал к молодой вдове Кудиновой. Да и тот сегодня умаявшись в лавке, дрых без задних ног.

Одинцов сидел за столом, и в задумчивости смотрел в окно. На столе горела свеча, лежала толстая тетрадь в кожаном,

коричневом переплётё. Ничто не восстанавливало тишину и покой в его квартире. Кухарка Дарья мирно похрапывала на кухне, денщик Аристархов разместился на лавке в соседней комнате, и всё вздыхал во сне. Одинцов обмакнул перо в чернильницу, принялся писать:

«20 октября 1840 года

Закончился ещё один день в моей жизни. Что нового он принёс мне? Ровным счётом никаких изменений. День такой же серый, как и все остальные. Они похожи как горошины в мешке. Нет ни чего печальней гарнизонной жизни. Впрочем, вряд ли я бы лучше чувствовал себя в столице.

Неужели сплин, что сейчас так моден в Петербурге, поразили и меня? А я ещё потешался по этому поводу над Вольдемаром Воронцовым. Правда меня может утешать то, что скука моя не наиграна. К великому прискорбию, она настоящая, и от того печально мне.

Сегодня командир батареи, полковник Штольц, в очередной раз пытался вызвать меня на откровенный разговор. Забавно наблюдать, его потуги казаться отцом-командиром, радеющим о своих подчинённых. К чему ему всё это? Вероятно, считает своим долгом, влезть каждому в душу, и копаться там как в своём кармане.

Впрочем, что я взелся на него? Штольц по-своему милый человек».

Обмакнув перо в чернильницу, поручик продолжил:

«На досуге прочел труд Лафатера: «Физиогномические

фрагменты, способствующие познанию людей и любви к людям». Согласно этому трактату, Штольц должен обладать буйным характером, о чём говорят его густые брови и крутой лоб. Однако бедняга полковник, под каблуком у своей жены, которую боится пуще начальства.

Сегодня он час мурыжил меня, пытаюсь узнать, почему я прослужив три года на батарее, так и не нашёл общего языка ни с кем из офицеров, редко посещаю офицерское собрание. Что мне было ответить?

Не прельщают меня игра в штос и попойки до утра, а больше здесь заняться не чем.

Впрочем, так живут везде, и в Петербурге не лучше. Поэтому, нигде не будет мне хорошо и покойно. Скорее всего, в моём положении наилучшем выходом будет подача рапорта об отправке на Кавказ. Вот где настоящая жизнь! Много тревог и опасностей. Заодно проверю на личном опыте всё то, о чём писал в своих повестях Марлинский.

И так решено, подаю рапорт!»

Одинцов усмехнулся, вспомнив, как однажды с грустью признался его старший брат: «Понимаешь Алёшка, всё время события проходят мимо меня! В 1825 году мои товарищи вышли на Сенатскую площадь, а я в это время отирался в парижских кафе».

Пётр Одинцов входил в Северное тайное общество, в ноябре 1825 года он уехал в Париж. Из газет узнал о неудавшемся восстании в Петербурге, и последующих арестах чле-

нов общества. Решил, раз он не был со своими товарищами на Сенатской площади, то, по крайней мере, разделит с ними горькую участь заключения, но его не арестовали. Предписали следовать в родовое имение Константиновка Саратовской губернии, где и надлежало ему пребывать.

Через год Пётр получил дозволение вернуться в Петербург, но предпочёл остаться в Константиновке. Он решил воплотить в жизнь свои идеи по переустройству страны, начав с деревни. Но и тут его ждало горькое разочарование! Мужик, которому Пётр с друзьями жаждал дать свободу, не торопился брать её. На деревенском сходе, он объявил крестьянам, что собирается дать им вольную. Любой желающий может взять у него в аренду землю и обрабатывать её, а не хочет, может отправляться на заработки.

Мужики, почёсывая свои бороды, молчали.

«Я барин не уразумел, кака така свобода коли землю нам не даёшь?» – спросил щупленький Фома Зацепа.

«Земля принадлежит мне по праву наследования, – ответил Пётр. – За определённую плату я выделю вам земельные участки».

«Дык где ж нам деньги взять барин?» – не унимался Фома.

«Я готов вас субсидировать».

«Чаво, чаво?» – одновременно спросили несколько мужиков.

«Я выделю вам землю в счёт будущего урожая».

«Это как же так барин! – всплеснул руками Фома. – Зем-

лицы, стало быть, не даёшь, а соберём урожай, ещё и хлебушко заберёшь!»

Мужики загалдели.

«Поймите вы неразумные!— закричал Пётр. — Я даю вам свободу».

«Да на хрена нам свобода! Чо нам её с кашей есть?!» — орал Фома, брызгая слюной.

Мужики угрожающе гудели. Пётр посчитал, что благоразумнее ретироваться, пока дело не закончилось худо. Вечером он вызвал старосту. Тот долго выслушивал его пространный монолог о необходимости перемен в жизни крестьян, а затем, почесав затылок, сказал: « Эх, барин, зря вы всю эту кутерьму затеяли! Ить мужики как разумеют: « Мы барин ваши, а земляца наша». Пушай всё по-старому остаётся, так-то оно лучше будет».

Больше о реформах Пётр не помышлял. Вёл жизнь обыкновенного помещика, спал до девяти утра, за тем принимал доклад старосты. После чего запирался у себя в кабинете и с упоением читал Вольтера и прочих французских вольнодумцев. С соседями отношения не поддерживал, изредка встречался со своими старыми друзьями, теми, кому удалось избежать каторги или ссылки после декабрьского восстания.

Так прошло несколько лет. В ноябре 1830 года в Королевстве Польском вспыхнуло восстание, Пётр решил ехать туда, чтобы с оружием в руках воевать против тирании.

Но оказалась не нужен он высокомерной польской шлях-

те. Разобиженный Одинцов уехал в Париж, где прожил год. После чего вернулся в своё имение. Больше Пётр о переустройстве мира не помышлял. Впрочем, в дни приезда Алексея, они подолгу спорили о путях преобразования России.

Укладываясь на кровати, Одинцов улыбнулся, вспомнив о старшем брате, и тут же заснул.

Аносова разбудил Сашка Лежин. Пьяный он, ввалился на квартиру к другу.

– Эх, Володя славный штос мы сообразили на постоялом дворе с Бошняковым, – сказал он, усаживаясь в кресло. Потянувшись, продолжил: – Понтирую на крестовую даму, Бошняков банкует. Первая талия, моя карта убита. Снова понтирую, надогнул, а зря, обрезался и опять моя карта убита. Думаю: «Что-то больно фартит уважаемому Павлу Афанасьевичу, не иначе тёмными картами играет».

Рассмеявшись Лежин, продолжал рассказывать:

– Вздумалось тому по нужде выйти, а взял и обменял колоды. В банке уж три имперяла, а у меня в кармане пусто. Я иду ва-банк! И что ты думаешь? Талия моя! Эх, славная была игра! Эта бестия Бошняков, в последнее время свёл дружбу с Пьером Листовым, а тот известный пройдоха, вот и обучил сию обезьяну всяким штучкам. Ну да пёс с ними! У тебя есть вино?

– Да помилуй! Как можно пить в такую пору? – улыбнулся

Владимир. – Завтра, а вернее уже сегодня, на службу.

– Не будь занудой Володя, тебе это не идёт. Прикажи денщику подать вина. Ванька, где ты?! Бегом сюда!

Ванька, брюнет с цыганистой рожей, позёвывая, появился в дверях.

– Здесь я ваше благородие, – спросонья хриплым голосом, доложил он.

– Принеси вина, – приказал Аносов.

Тот, молодецки щелкнув голыми пятками, брякнул:

– Слушаю-с ваше превосходительство! – и отправился исполнять приказание.

– Глядя на твоего Ваньку, всегда удивляюсь, как он мог попасть к нам в полк? – сказал, усмехаясь Лежин.

Осушив первую рюмку, Сашка заметил:

– Между прочим, когда мы с Бошняковым выпивали после карт, он сказал по секрету, что тобой чрезвычайно заинтересовалась графиня. Советую, не мешкая приударить за ней. Моя скромная персона не удостоилась её внимания, – Сашка развёл руками, – что ж уступаю её тебе.

Сердце Аносова учащённо забилося. Он больше не слушал пьяную болтовню друга, а грезил о белокурой красавице. Лежин пропустив ещё пару рюмок, совсем сник и уснул сидя в кресле.

На следующий день, весть о приезде красавицы – графини, быстрее пули разнеслась среди офицеров гарнизона. Об-

щее мнение о ней выразил полковой священник отец Феофан:

– Эта дева послана в мир наш, дабы усладить взор человеческий!

Аносов к своему огорчению быстро понял, что у него немало соперников. Только поручик Федосеев остался равнодушен к приезду Скобаньской, поскольку был по уши влюблён в Поленьку Офенберг, старшую дочку командира их полка. Юная Поленька отвечала Федосееву взаимностью, и поручика не интересовали другие женщины.

Все с нетерпением ждали вечера. По случаю праздника Покрова пресвятой Богородицы, должен был состояться бал.

Зал ресторации Федякина, разукрасили гирляндами из бумажных цветов. Заведение это располагалась неподалеку от канцелярии артиллерийской бригады. В виду того что за-всегдаями тут были в основном господа офицеры: драгуны и артиллеристы, то ресторация служила так же и офицерским собранием.

К шести вечера стали подъезжать экипажи. Окрестные помещики привозили сюда взрослых дочерей, в надежде сыскать им женихов. Девицы под строгим присмотром мамаш строили глазки господам офицерам, а их папеньки, пропустив по рюмочке в буфете, усаживались за карточные столы.

Лежин перебравший накануне, весь день ходил на службе с больной головой. Мелочными придирками он до крайно-

сти изводил солдат своего взвода. Наконец наступил вечер, и Сашка поспешил к Федякину. В буфете ресторации он первым делом выпил два фужера хереса, после чего подошёл к Аносову:

– Успеха тебе Володечка. Мне не везёт в любви, однако надеюсь, что посчастливиться за карточным столом, – сказал он подмигивая.

– Спасибо на добром слове, – ответил Аносов, – желаю тебе удачи, но не теряй благоразумия.

В ожидании графини, Аносов прогуливался по залу. У окна он увидел поручика Одинцова, с которым приятельствовал. Среди офицеров, Алексей Одинцов имел репутацию сноба. Был он остёр на язык, и многие пострадали от его шуточных эпиграмм, это не прибавляло ему друзей. Пожалуй, Аносов, единственный с кем Алексей приятельствовал.

– Вот кого не ждал увидеть у Федякина, так это тебя, – Владимир поздоровался с Одинцовым.

– Полковник Штольц посетовал, что я не посещаю офицерское собрание, – ответил тот, – он рекомендовал мне чаще бывать в обществе, и выполняя пожелания своего командира, я здесь.

Аносов совершенно не слушал своего собеседника, он с нетерпением ждал прихода графини.

– Это хорошо, что ты сюда пришёл, поверь здесь очень весело, – ответил он, не спуская взгляда с входа.

– Посмотрим, – усмехнулся Одинцов.

Наконец появилась та, которую ждал Владимир. Сопровождал графиню господин Бошняков.

– Ого, что это за красавица с обезьяноподобным кавалером?! – воскликнул Одинцов.

– Графиня Скобаньская и некто мессьё Бошняков, – пояснил Аносов, – они вчера прибыли в Кречевицы.

– Интересно, с какой целью?

– Не знаю, но постараюсь узнать. Пойдем, я представлю тебя графине.

– Зачем? – пожал плечами Одинцов.

– Ты сам только что заметил, что графиня красавица, а раз так, то сам бог велел познакомиться с этой очаровательной особой.

– Представь себе, не имею ни малейшего желания.

– Ну как знаешь, – сказал Аносов и направился навстречу вошедшей парочке. Пока его никто не опередил, он постарается завладеть вниманием Скобаньской, Владимир улыбнулся и сказал: – Здравствуйте графиня, добрый вечер господин Бошняков.

– Мне приятно видеть вас корнет, – проворковала графиня, – признаться, я была уверена, что мы здесь встретимся. Очень рада, что не ошиблась.

Бошняков учтиво раскланялся с Аносовым.

– Ваш приятель Лежин в соседнем зале, – сказал ему Владимир, – там собрались любители карточной игры.

– Замечательно, если не возражаете графиня, я взгляну на

игру. Думаю, что месё Аносов не даст вам скучать.

– А кто этот офицер, что стоял с вами у окна? – спросила Скобаньская.

– Одинцов, он служит в артиллерийской бригаде.

Аносов заметил, как переглянулись Бошняков и графиня.

– Вы случаем, не знакомы с ним? – спросил он.

– Не имею чести, – пожал плечами Бошняков.

– Так же впервые вижу этого молодого человека, – ответила Скобаньская.

– Я с вашего позволения оставлю вас, пройду до соседнего зала, – сказал Бошняков и удалился.

– Позвольте мне графиня на правах первого с кем вы познакомились в Кречевицах ангажировать вас на предстоящий танец, – попросил Аносов.

– Первым был Лежин, впрочем, я всё равно согласна, – рассмеялась графиня.

Одинцов до одиннадцати вечера пробыл на балу, потом отправился спать. В полночь его разбудил Аристархов и доложил:

– Ваше благородие, до вас драгунский корнет пожаловал. Говорит, давай буди своего офицера, у меня до него дело.

– А что за корнет? Как фамилия?

– Не могу знать, – вытянулся по стойке «смирно» Аристархов.

– Плохо. Должен был спросить.

– Сей момент ваше благородие, – Аристархов кинулся к

двери.

– Да теперь уж не надо.

Он одел халат, вышел в соседнюю комнату, там сидел Аносов.

– Прости, что разбудил тебя Алексей, но мне нужно с кем-то поговорить. Сашка черт, куда-то подевался. Я оказался около твоего дома, вот и зашёл к тебе. Надеюсь, ты не в обиде?

– Бог с тобой! Какие могут быть между нами могут быть церемонии? Правда, я видел уже третий сон, но это мелочи. Как прошёл бал? Наблюдал, как ты танцевал мазурку с графиней. Как её? Кажется Скобаньская.

– Да вальс и несколько кадрилией. Танцевал бы больше, но слишком много желающих было до танцев с ней. И всё же Алексей, мне удалось заинтересовать её. Она пригласила меня завтра, вернее уже сегодня, на чай. Пойду к ней после службы.

– Что ж поздравляю. А что ты так возбуждён? Эка невидаль! Приезжая дама, скучая в нашей глухомани, пригласила тебя в гости. Чему ты так рад, что не идёшь домой?

– Я, кажется, влюблён Алексей!

– Так скоро?! Помилуй бог Володя! Ты и знаком то с ней всего ничего, а уже воспылал любовью, – рассмеялся Одинцов, – уж больно братец ты влюбчив.

– Ах, Лёша, она прекрасна! Графиня, само божество. Между прочим, она интересовалась тобой.

– Её интерес к моей скромной персоне, меня ничуть не трогает. И тебе советую окунуть голову в холодную воду, может это остудит твой любовный пыл.

– Ты слишком циничен Алексей, а это, между прочим, тебе не к лицу, – заметил Аносов.

– Сие есть не цинизм, а житейская мудрость.

– Не буду, спорить, ибо я влюблён и глух к голосу разума! Интересно, думает ли она обо мне? Хоть немного.

– Я считаю, что она сейчас сладко спит. Наверняка у графини полно влюблённых в неё сумасбродов. Зачем лишаться из-за них сна?

Но Одинцов ошибался, графиня не спала, а причиной этому был он. Пани Скобаньская сидела в своей комнате, у окна стоял Бошняков.

– В этом захолустье нет даже приличного зеркала – со вздохом сказала она, осматривая себя в ручное зеркальце

В соседней комнате служанка расправляла постель. Бошняков подошёл к двери спальни, сказал ей:

– Милочка, мы с графиней немного поговорим, а ты потом закончишь. Сейчас будь любезна выйди

Плотно прикрыв за служанкой дверь, он продолжил:

– Наше пребывание в этой дыре, зависит от вас графиня. Вы прекрасно знаете цель приезда в Кречевицы. Между тем флиртуете с корнетом, который ни в коей мере не может нас интересовать.

– А согласитесь, он милашка, – улынулась графиня.

– Возможно графиня. Но это обстоятельство, ничуть не приближает нас к цели, – процедил сквозь зубы Бошняков.

«Сука! Из-за этой похотливой стервы, мы можем надолго застрять здесь, а потом вернуться в Петербург не солоно хлебавши», – подумал он, с ненавистью глядя на Скобаньскую.

Та любовалась собой в зеркало и не замечала его взгляда. Графиня добывала свои сведения через постель. Она вообще не отличалась большой разборчивостью в кавалерах, многу народу побывало в её объятиях, и отнюдь не всегда этого требовалось для дела, которому они оба служили. Однако махаться с Бошняковым она категорически отказывалась. А как же он желал её! Даже деньги ей предлагал, и не малые, что было для скупого Павла Афанасьевича совсем уж немислимо. Однако эта стерва со смехом отказалась.

– Не забывайте графиня, зачем мы здесь!

– Я всегда помню об этом, – вздохнула та.

Алексей Одинцов, как раз и был целью их приезда в Кречевицы. Бекендорфа давно интересовал Пётр Одинцов, старший брат Алексея. Он находился в Париже, когда в декабре 1825 года заговорщики вышли на Сенатскую площадь. Прямых улик в 3-ем отделении о принадлежности Петра к тайному обществу не было. Более того, на допросах, перед казнью, один из организаторов восстанья, Муравьёв-Апостол показал: «Одинцов Пётр, вначале принимал живейшее участие в собраниях тайного общества. Но спустя время, к делам общества охладел, а потом и вовсе уехал в Париж». Может и

правду говорил Муравьёв – Апостол, но скорее всего и лгал, выгораживая своего товарища, коль уж себе помочь был не в силах.

А меж тем, когда в январе 1826, когда взбунтовался Черниговский полк, были сведения, что рядом снова был Пётр Одинцов. Случайность?

Бекендорфу докладывали, что Пётр Одинцов у себя в имении живёт тихо. О нём уже стали забывать, но тут грянули события в Польше. Поступали донесения от агентов, что, Пётр принимал в них участия, но опять не было прямых улик. Ни кто из арестованных польских конфедератов не давал показания на Одинцова. Однако у шефа жандармов была уверенность, что Пётр глава тайного общества заговорщиков. Тем более имелись косвенные данные о его связи с рядом видных масонов в Париже, куда он изредка выезжал. Если это так, то младший брат наверняка учувствует в заговоре.

« Вряд ли Алексей Одинцов так же изворотлив как старший братец, – рассуждал Бекендорф. – Нужно более тщательно присмотреться к нему. Через младшего, выйдем на старшего».

По этой причине и приехали Скобаньская с Бошняковым в Кречевицы.

Полковник Штольц, бравый вояка, не знавший страха на поле боя, как огня боялся своей жены, над чем в офицер-

ском кругу в Кречевицах немало потешались. С утра Алексей попросил у него аудиенции. Одинцов сам высокого роста, но перед Штольцем, чувствовал себя буквально коротышкой. Стараясь быть учтивым, Иван Карлович улыбнувшись, сказал:

– Я вижу, господин поручик, вы вняли моим дружеским увещаниям и вчера были на балу. Как вам понравился вечер?

– Всё удалось на славу ваше высокопревосходительство. Я благодарен вам за наставления. Последовав им, я ничуть не пожалел.

– Что ж голубчик, очень рад! Впрочем вы явно пришли ко мне не для того что б выразить своё признание. Позвольте узнать цель вашего визита.

– Вы чрезвычайно прозорливы господин полковник, – усмехнулся Одинцов, – извольте взглянуть, ваше высокопревосходительство.

Одинцов протянул рапорт. Прочитав его, полковник спросил:

– Чем же наша батарея не подходит вам? Почему вы просите перевода на Кавказ?

– Служба под вашим началом для меня честь господин полковник, но всё же, хочется испытать себя в настоящем деле. Кавказ для этого подходит как нельзя лучше.

– Позвольте вас спросить Алексей Михайлович, сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– Ну что ж вы правы, самое время для ратных подвигов.

Я дам ход вашему рапорту.

– Благодарю вас господин полковник. Засим, позвольте откланяться.

– Ступайте голубчик.

Выйдя от полковника, Одинцов направился домой. Когда он проходил по центральной площади, у церкви, его кто-то взял за локоть. Алексей оглянулся, перед ним стоял низенький господин. Внешность его была столь необычна, что Одинцов тут же припомнил его фамилию.

– Здравствуйте месё Бошняков.

– Добрый вечер господин поручик. Прогуливаюсь по вашим Кречевицам в поисках достопримечательностей и приличного общества, – сказал Бошняков.

– Что касается первого, то не трудитесь, вряд ли вы их найдёте, – улыбнулся Алексей, – а приличное общество вы имели удовольствие лицезреть вчера. Если не ошибаюсь, вы весь вечер провели за карточным столом к компании весьма почтенных людей.

– Совершенно с вами согласен, – кивнул Бошняков, – однако, позвольте заметить, что круг интересных людей в Кречевицах не ограничивается моими вчерашними карточными партнёрами. Хочу сообщить вам, что графиня Скобаньская, увидев вас на балу, очень вами заинтересовалась. Она выразила сожаление, что вы так быстро исчезли. Графиня даже

не смогла с вами побеседовать, чем весьма опечалена. Позвольте господин поручик исправить этот казус. Прошу вас навестить наше скромное пристанище.

Бошняков взял его за локоть и повёл на постоянный двор. В гостинице он приказал половому накрыть стол в отдельном кабинете и попросить графиню спуститься в низ.

Бошняков с Одинцовым разместились за столом в кабинете.

– Я ведь Алексей Михайлович знаком с вашей тётушкой, Дарьей Семёновной Кузьмицкой. Мы можно сказать с ней в приятельских отношениях. От неё наслышан и о вас.

– Право я тронут вашим вниманием к моей скромной персоне, Павел Афанасьевич.

Стол накрыли, и Бошняков хлопнув в ладоши, сказал:

– Ну-с господин Одинцов предлагаю под расстегайчики по рюмочке.

Беседа протекала непринужденно, Бошняков оказался интересным собеседником. Он иронично рассказывал о столичной жизни, вспомнили общих знакомых, Павел Афанасьевич остроумно охарактеризовал каждого из них. Одинцов от души смеялся над его шутками, а вскоре появилась и графиня.

– Куда вы исчезли с бала господин поручик? – спросила она, входя в кабинет.

Мужчины встали.

– Скрасьте наше общество графиня, – попросил Бошня-

ков, помогая графине сесть на стул.

– Не скрою, господин поручик, мне бы хотелось познакомиться с вами поближе.

– Вы всё внимание удаляли корнету Аносову графия, – усмехнулся Одинцов, – мне даже в голову не могло прийти, что вас интересует моя скромная персона.

– Я надеюсь, господин поручик, что ничего ещё не потеряно, и у нас будет возможность интересно провести время.

– Мне лестно ваше внимание ко мне графиня. Однако смею напомнить о бедном корнете Аносове.

– У меня совершенно нет желания ни думать, ни говорить об этом вздорном мальчишке, – махнула рукой графиня, – поверьте, этот корнет вскоре забудет обо мне, как только я дам ему от ворот поворот. Вокруг найдётся немало помещицких дочек, способных вскружить ему голову.

С нетерпением Владимир дождался часа свидания с графиней, однако когда он явился на постоянный двор, служанка сообщила, что графиня занята.

– Женщины ужасно легкомысленны, – вздохнул Владимир, – ты голубушка пойди и скажи ей, что корнет Аносов с кем она договорилась о свидании, ждёт её.

– Хорошо барин, доложу.

– Сделай одолжение, милая, а я здесь подожду.

Вернувшись, служанка передала, что графиня принять господина корнета не имеет возможности и просит боль-

ше её не беспокоить. Удручённый Владимир покинул постоялый двор, и целый час слонялся по площади, измышляя способы встретиться с графиней. Однако ничего путного не придумал. Потеряв всякую надежду, он уже собрался идти домой, как вдруг увидел выходящим из постоялого двора Одинцова.

«Интересно, что он тут делал?» – с беспокойством подумал Аносов. Он решил узнать всё у Одинцова, для чего последовал за ним, но тут совсем не, кстати, из лавки Семенихина вывалилась пьяная парочка: Лежин с Ванькой Семенихиным, сыном купца Афанасия Никандровича Семенихина.

– Вовка дьявол! Где тебя черти носят? – заорал Лежин. – Мы с Ванькой семь бутылок Клико выдули, осточертело пить вдвоём, третьего ищем.

– Да уж господин корнет сделайте одолжение, разбавьте трезвостью нашу пьяную компанию, – поддержал собутыльника Семенихин, – милости просим к нам.

Они увлекли Аносова с собой.

На следующее утро, Владимир заступил со своим взводом в караул. Все дежурные сутки он думал только о белокурой красавице. Как он страдал от того, что не может поведать графине о своей любви.

Сменившись в восемь утра, он узнал неприятную новость, у него есть счастливый соперник. И кто?! Одинцов! Влюблённый корнет помчался к тому за разъяснениями.

– Тебе не кажется, что ты поступаешь подло в отношении меня Алексей? – сходу взял он быка за рога.

– Изволь объясниться, – удивлённо уставился на него Одинцов.

– Ты требуешь объяснений?! Изволь! – Аносов нервно ходил по комнате. – Два дня назад, я по секрету сказал тебе, что влюблён в графиню. Я считал тебя своим другом, но как ошибался! Ты посмеялся надо мной! Зная о моей любви к Скобаньской, ты флиртуешь с ней!

– Послушай мой совет Владимир! Графиня совершенно равнодушна к твоим чувствам. Поверь мне, я знаю таких особ. Они чужды сентиментальности. Это я говорю тебе как твой друг.

– Ты говоришь как Иуда, тот так же звал Иисуса учителем и другом, а потом продал его за тридцать сребреников. Ты так же предал меня!

Возразить ему Одинцов не успел, корнет ушёл, хлопнув дверью.

«Ничего скоро успокоиться. Графиня уедет, и он всё позабудет», – улыбнувшись, подумал Одинцов, а вслух, произнёс:

– «Время сердцу быть в покое,
От волненья своего».

Глава 2

В России в тот год почти весь октябрь лили дожди, а на Кавказе было тепло и безоблачно. Разморило как-то на сол-

нышке чёрного ворона, сидевшего на ветке тополя. Склонив голову на бок, он лениво смотрел вниз, а там возле журчащего родника молился мальчик. Вдруг послышался, треск ломаемых веток, и птица встрепенулась. Из кустов боярышника выехали двое всадников. На вид им было лет по двадцати пяти. Одеты оба в чёрные бешметы из грубой, домотканой ткани, на головах серые папахи. Широкоплечий брюнет, на вороном жеребце, на голову возвышался над своим рыжебородым спутником, сидевшим на пегой кобыле. Посмотрев на мальчика, брюнет сказал:

– Васса вaleyкум Кунта. Что ты здесь делаешь?

– Вaleyкум вассалам Абу. Да прибудет с тобой мир и благоденствие Хазболат. Я пришёл к роднику, что бы совершить полуденную молитву и поразмыслить в уединенье. Как я вижу, вы молитву пропустили. А зря! Известно же, что Пророк предавал ей особенное значение. В суре «Корова», он прямо указывает на это:

«Свои молитвы строго соблюдайте
Особо чтите среднюю молитву
Благоговейно стойте пред Аллахом
В своём молитвенном призыве».

Не очень-то приятно выслушивать нравоученье от двенадцатилетнего мальчишки, и что бы сменить тему, брюнет, которого звали Абу, спросил:

– О чём же ты думал Кунта?

– О том, что скоро наступит 1258 год Хиджры, – вздохнул

мальчик, – и ничего хорошего, нашему народу этот год не принесёт.

– Чем же тебе не нравится будущий год? – удивился рыжий Хазболат.

– Великие беды ждут Нохч-мокх и наш народ.

– Откуда такие грустные мысли Кунта?! – воскликнул Абу.

– Сейчас объясню, – кивнул мальчик, – год назад, имам Шамиль сбежал от русских с горы Ахульго. Он поселился в ауле Гарашкити. Жил тихо, не думая больше о войне с урусами. Зачем-то старейшины аула уговорили Шамиля стать их вождём. Они поклялись преданно служить ему. Потом многие наши аулы, стали один за другим присягать на верность Шамилю. Теперь тот возмущает на борьбу с урусами весь наш народ.

– Мы нохчи свободные люди! – воскликнул Хазболат. – Гяуры хотят, что бы мы стали их рабами! Мужчин сделать крепостными, а наших женщин забрать прислугой в свои дома. Они собираются разоружить нас, что бы, мы не могли постоять за себя. Но им не понять, что уздень, ни когда не будет рабом!

– Хазболат прав, – поддержал друга Абу, – наши старейшины мудрые люди, они знают что делают.

– Я наоборот, считаю, что ни чего хорошего нам от Шамиля ждать не стоит, – упрямо возразил мальчик.

– Поживём, увидим, – усмехнулся Абу, – что ж Кунта, ты

можешь и дальше придаваться тут своим размышлениям, а мы поедем домой.

Пришпорив коня, он тронулся с места, Хазболат поехал следом.

– Странный мальчишка, этот Кунта, – сказал он, – у его сверстников совсем другим голова забита. Ты только посмотри, что он болтает о Шамиле! От кого он только всё это наслушался?

– Да ты прав, он не по годам умён, – согласился Абу, – Кунта ещё прославит наш Иласхан Юрт.

А ведь как в воду глядел! Повзрослев, мальчик станет известным шейхом Кунта Ходжой. В Чечне его почитают за святого, а аул Иласхан Юрт тем и знаменит, будет, что жил там Кунта Ходжа. Однако никому кроме Аллаха не известно будущее, потому как только Аллах всезнающий и всеведающий. Случится это через десяток лет, а пока, наши друзья болтали между собой:

– А какой скандал разгорелся восемь лет назад, когда семья Кунты, перебралась к нам из Мелча Хи! – усмехнулся Хазболат. – Киши, отец Кунты просил аульный сход выделить ему землю. Что тут началось! Ты помнишь ту историю?

– Ещё бы! – усмехнулся Абу. – Больше всех кричал Юсап. Говорил, что земли у нас мало, и незачем раздавать её всем подряд, и почти все старейшины на кьана поддержали его. Лишь один Иласхан вступился за Киши, уговорил людей вы-

делить ему землю. Если не Иласхан, пришлось бы семейству Кунты искать другое место для жительства.

– Юсап всегда мутит воду, – покачал головой Хазболат.

– Мне рассказывала мать, – продолжил Абу, – что когда Ярмул разрушил ваш аул Дады Юрт, и вы с Бахой приехали жить к нам. Юсап тоже предлагал не пускать вас в наш аул.

– Да я слышал это от Бахи, – кивнул Хазболат, – мне тогда было не больше года.

За разговором друзья и не заметили, как доехали до аула. Кунта всё ещё сидел у родника, и ворону надоело смотреть на мальчишку, он взмыв вверх и полетел к Иласхан Юрту.

Аул раскинулся у подножия Гудермесского хребта. С высоты, серые саманные сакли казались не больше спичечных коробков. Домики рассыпались по склону одной из возвышенностей хребта, и упирались в серую ленту реки Мечик, которая причудливой петлёй огибает Иласхан Юрт, и несёт свои воды далее в Сунжу. В центре аула, стоит мечеть. Она единственная в ауле построена из белого камня.

Вдруг что-то сверкнуло в окне одного из домов. Ворону стало любопытно, и он полетел туда. Сел на ветку тутового дерева, которое росло во дворе дома. Любопытная птица устоялась в окне, стараясь разглядеть, что же блестело. Но затем внимание птицы отвлекла женщина, разделяющая мясо на столе во дворе. Неподалёку спал огромный пёс. Отрезав кусок, женщина кинула его псу, а тот даже ухом не повёл.

Наглый ворон прямо у пса из-под носа выхватил кусок мяса и улетел. Так и не узнала птица, что же это блестело в окне, а было это лезвие кинжала. Его держал в руках тот самый Юсап, о котором говорили Абу и Хазболат. Это пятидесятилетний, грузный, кривоногий мужчина. Юсап был не последний человек в Иласхан Юрте.

Сегодня его доме собрались гости: приехал старый кунак Тошо Заитов из Гельдыгена, а так же зашёл проведать мулла аульной мечети Амир.

В ожидании шу, завязалась интересная беседа. Тошо продемонстрировал кинжал, который он недавно приобрёл. Юсап взял его и чтобы лучше рассмотреть подошёл к окну.

– Этот кинжал выковал мастер Телхиг их Малых Атагов, – рассказывал Тошо, – двух баранов за него отдал. Телхиг куёт клинки из английских иголок. Посмотри Юсап, они видны в лезвии.

– Как тонко сработано, – зацокал тот языком, возвращая кинжал.

– Люблю хорошее оружие, – Тошо вложил кинжал в ножны.

Он был ровесник Юсапа. Худощавый, высокого роста, с огромным крючковатым носом, Тошо льстил себя надеждой, что похож на орла. К сожалению, так думал только он. За глаза его презрительно звали: попугаем.

А всё из-за одной глупой истории: три года назад, он со своими кунаками Вахой Гайнаевым и Али-Магомедом Бецо-

евым, был в гостях у казацкого полковника Добродеева, в станице Червлёной. В горнице у того висела клетка с попугаем. Тошо и Ваху поразила яркая, доселе невиданная птица. Ваха подобострастно сказал, что оперение у неё такое же красивое, как и одежда у Тошо, на том была ярко-красная черкеска и зелёный хардон.

«Такая роскошная птица должно быть очень умна, как и ты Тошо!» – заявил Ваха.

Добродеев ни слова не уразумел из речи Вахи, потому как не говорил по-чеченски, однако понял, что речь идёт о попугае. Кивнув на птицу, казацкий полковник сказал:

«Ужасно пёстрое перо у этой птицы, из-за этого, у нас говорят о глупых людях, которые ярко одеваются: «вырядился как попугай»».

Птица, наклонив голову на бок, и закрыв один глаз, уставилась на Тошо.

Ваха густо покраснел, а на губах Али-Магомеда заиграла улыбка. Заметив её, Зайтов побагровел от злости. С тех пор злые языки и дали Тошо обидную кличку, а дружбе с Вахой пришёл конец.

– Уважаемый Тошо, – сказал мулла Амир, благообразный старичок с седой бородой, – ты много ездешь, немало новостей узнаёшь. Расскажи нам, что творится в мире.

Тошо отхлебнув чай из пиалы, ответил:

– Недавно мне довелось по делам побывать в Темирхан –

Шуре. Там один знакомый тавхли поведал что, Ибрагим, сын египетского паши Мухаммеда Али, переслал нам послание. В послании том, он сообщает, что этой весной отберёт у гяуров Кавказ. Он требует нас, своих единоверцев поддержать его в борьбе с неверными.

– Что вы об этом думаете, досточтимый мулла? – спросил Юсап.

– Ибрагим наш единоведец, – погладив ладонью реденькую бороду, ответил Амир, – и если он придёт сюда со своей армией, наш долг поддержать правоверного. Не правда ли многоуважаемый Тошо?

– Не совсем так мудрейший Амир, – покачал головой тот, – единая вера не помешала Ибрагиму напасть на своего господина, турецкого султана. Нам от Ибрагима ничего хорошего ждать не стоит. К тому же турецкий султан не раз воевал с русскими и всегда был бит ими. Почему вы решили, что Ибрагиму повезёт больше?

– Ты Тошо высказываешь мудрые мысли! – воскликнул Юсап.

– Согласен, – закивал головой мула Амир.

– С гяурами жить можно, – продолжал Тошо, – есть у меня кунак, Моздокский пристав Нечаев. Я пригнал ему лошадей для армии, и он заплатил мне звонкой монетой. Табун оставил у себя, дожидаться okazji. Потом, Нечаев дал мне сигнал, и я этих лошадей благополучно угнал. Пристав объяснил мне, как обойти русские дозоры. Спустя несколько

недель, я ему опять продал этот же табун, и так несколько раз. Нечаев в накладе тоже не остался.

Тошо заразительно захохотал, Юсап и Амир засмеялись следом. Тем временем, дочка хозяина принесла угощение: жареную баранину с галушками. Кушанье это зовётся у чеченцев жижик-галуш. Глядя на девушку, Тошо сказал:

– Как быстро летит время Юсап, твоя дочь стала настоящей красавицей.

– Она к тому же умна, – самодовольно ответил хозяин, – брат моей покойной жены Умар, энгенойский мулла, души в ней не чаёт. Аллах не дал ему своих детей, и Кхокху его любимая племянница. Дочке тоже нравится гостить у него. Умар научил её многим вещам. Кхокху знает наизусть все суры Корана.

– Подтверждаю всё сказанное Юсапом, – закивал головой мулла Амир.

Кхокху, поставив блюда с угощениями, и вышла.

– За такую дочь тебе просто необходимо просить с жениха богатый калым, – сказал Тошо, – её красота и учёность много стоит. Но здесь в округе, вряд ли кто даст тебе хороший калым. Я уже давно подумываю над тем, что бы взять себе вторую жену, и согласен заплатить за твою Кхокху любую цену.

Мулла, благодушно глянув на хозяина, сказал:

– Уважаемый Юсап, в словах Тошо есть резон. Ведь недаром пророк Мохаммед говорил:

«Возьмите в жёны тех,
Которые любимы вами,
Будь то одна, иль две иль три,
Или четыре».

– Твоё предложение Тошо, лестно для меня, но неожиданно. Мне нужно время, что бы подумать, – ответил Юсап.

– Конечно, – согласился тот. – Дай мне знать о своём решении. Теперь уважаемый хозяин разреши мне на время отлучиться.

Встав, Тошо направился во двор. Когда он вышел на крыльцо, его догнал сын Юсапа, красивый, двадцатипятилетний парень по имени Лечи.

– Отличный кинжал у тебя Тошо, – сказал он.

– Нравиться? Я подарю тебе его.

– Благодарю тебя Тошо.

Тем временем два друга добрались до сакли Хазболата. Ворота им открыл коренастый богатырь с бычьей шеей. Это был Баха, старший брат Хазболата. Кулаки у него такие огромные, что казались размером с голову взрослого человека. О его чудовищной силе ходили легенды. Поговаривали, что ударом кулака, он мог убить быка. Баха колол дрова, воткнув топор в полено, он спросил:

– Всё сделали, как я сказал?

– Да, – кивнул Абу, – отдали просо и баранов кузнецу Али в Чиркее. Он просил передать тебе, что твой кунак из станицы Горячеводская ждёт тебя.

– Добрые вести, – кивнул Баха. – Проголодались? Пошли есть.

В небольшой комнате с маленьким окошком, из всей мебели было два грубо сколоченных топчана, на которых спали братья, пол, застелен ковром. Все стены у братьев увешаны оружием. Впрочем, так было в доме каждого горца.

Троица уселась на ковре, и тётушка Аманат, которая вела хозяйство братьев, внесла блюдо с тиг берам, лепёшки из проса, кувшин молока. Абу с Хазболатом изрядно проголодались, и потому с жадностью набросились на еду. Баха быстро поел и с улыбкой смотрел, на друзей. Когда те насытились, он спросил:

– Абу, когда же ты собираешься просить Юсапа отдать за тебя Кхокху?

Тот неопределенно пожал плечами.

– Чего медлишь? Гляди дождёшься, уведут у тебя девушку. Она хоть знает, что ты сохнешь по ней.

– Он только издали смотрит на неё, да вздыхает, – ответил Хазболат, – я давно ему предлагал, признаться Кхокху в своей любви, а он всё медлит.

– Раз он не спешит, то, пожалуй, я посватаю её за себя. На калым, я наскребу. Нужно будет спросить у Юсапа, сколько он просит за дочь.

Хазболат вскочил на ноги и закричал:

– Баха как ты можешь так говорить?! Ты же знаешь, что Абу любит Кхокху, и собираешься так подло поступить! Ес-

ли ты это сделаешь, то знай, ты мне больше не брат!

– Отцу следовало бы назвать тебя: «Терс моймал», а не Хазболат, – рассмеялся Баха. – Ты ревёшь как обезьяна. Но это хорошо, что ты так горячо вступился за Абу. Значит у вас настоящая дружба, а раз так, вам необходимо побрататься. Как вы на это смотрите?

– Я согласен, – ответил Абу.

– Вот и хорошо, – сказал Баха.

Он взял кувшин и налил в глиняную кружку молока, достал из кармана золотое кольцо, протянул Хазболату и сказал:

– Держи брат.

Тот взял кружку, бросил в неё кольцо, и отпил половину молока, потом передал её Абу, который допил молоко, взял кольцо, положил себе в карман. После чего снял с пояса с кинжал и передал его Хазболату, а тот отдал свой Абу.

– Ну, вот и побратались, – улыбнулся Баха.

– Да благословит вас Аллах братья, – сказал Абу. – Мне же пора идти домой.

Аманат убрала посуду, а Баха и Хазболат вышли во двор проводить Абу. Когда они остались одни, Хазболат спросил:

– Скажи Баха, а почему ты не женишься?

– Обязательно женюсь, – пообещал тот. Подумав, он продолжил: – Как только найду женщину похожую на нашу мать. Если б ты знал жиманиг, как любил её отец!

Баха в задумчивости посмотрел на чернеющий в дали

Кавказский хребет. Двадцать один год минуло с тех пор как погибли их родители, а он помнит тот сентябрьский день, как будто было это вчера.

Проснувшись в то далёкое утро, маленький Баха услышал разговор родителей:

«Пойми Зайнап, мы не можем, как трусливые овцы бежать со своей земли, – горячился отец, – генерал Сысоев требует, что б мы, бросив свои жилища, ушли за Сунжу».

«Что же нам делать? У гяуров сила», – спокойно отвечала мать.

«Мы встанем на защиту нашего аула, и гяуры не посмеют войти сюда, – рубанул рукой отец, – каждый двор у нас в Дады Юрте, крепость. На сходе, люди решили защищать аул. Я так же буду драться за свою саклю до последнего. Ты с детьми сейчас же уедешь, пока есть такая возможность».

«Послушай Абубакар, если тебе суждено сегодня встретить свой последний час в битве с гяурами, я хочу быть рядом, и умереть вместе с тобой».

«Милая моя Зайнап, – погладил её по голове отец, – я счастливейший из мужчин, ведь у меня такая жена. Но нам нужно думать о наших сыновьях. Что с ними станет, если мы с тобой умрём? Нет, ты с детьми должна уйти».

«Согласна милый, – поцеловала его мать, – ты мой господин. Как я могу послушаться тебя?»

Потом мать велела Бахе собираться, а сама разбудила и стала одевать Хазболата, который недовольно хныкал. Она

положила в узелок просяные лепёшки и несколько кусков мяса, кувшин молока. Взяла Хазболата на руки, велела Бахе идти за ней. Отец проводил их до ворот, поцеловал сыновей и жену.

«Да храни вас Аллах милые мои! – сказал он. – Ну, идите».

И не оглядываясь, пошёл в саклю. Зайнап с детьми дошла до кладбища, которое было далеко за аулом. Спустившись в овраг, мама велела Бахе взять братишку на руки и сказала: «Послушай сынок, ты уже большой и должен заботиться о Хазболате. Пока будут слышны выстрелы, сидите здесь, а когда всё стихнет, идите по этой дороге. Ты помнишь, мы по ней ездили в гости к дяде Хасану и тёте Аманат в Иласхан Юрт? Пойдёте туда, дядя приютит вас. И помни сынок, тебя зовут Баха, поэтому ты должен жить и помочь жить Хазболату. А теперь прощай, мне нужно идти к отцу».

Она поцеловала сыновей и побежала в аул, а там уже слышны были ружейные выстрелы и пушечная пальба.

Больше Баха не видел своих родителей. Весь день в Дады Юрте шёл бой, и ребята сидели в овраге. Там же они провели ночь. Едва рассвело, отправились в Иласхан Юрт, куда добирались несколько дней. Бахе тогда было десять лет, а Хазболату два.

Это уже потом стало известно, что войска атамана Сысоева целый день не могли взять Дады Юрт. Каждая сакля стала крепостью, гяуры потеряли в этом бою много людей.

Сам атаман Сысоев был ранен. В конце концов, селение было стёрто с лица земли. Все защитники Дады Юрта: мужчины, женщины и дети, погибли. Баха с Хазболатом, оказались единственными, кому удалось уцелеть.

Пока Баха предавался воспоминаниям, Абу ведя коня под уздцы, шёл домой. Он думал о Кхокху, девушке, которую любил. Баха разбередил ему душу своими разговорами. Абу знал, что любовь его безнадежна. Он небогат и вряд ли сможет уплатить калым, который попросит за девушку её отец. Конечно, можно набраться мужества и признаться Кхокху в любви. Но как?! В её присутствии Абу лишь потел и терял способность связно говорить. С какой стороны не взглянешь, ситуация безвыходная.

И брёл уныло Абу по дороге, не глядя по сторонам, от того вздрогнул он, услышав звонкий девичий голосок.

– Вассала валеёкум Абу, идёшь и совсем не смотришь на дорогу.

– Валеёкум вассалам Петимат, немного задумался, а когда мысли далеко отсюда, мало смотришь вокруг, – грустно улыбнулся Абу.

– Какими же думами полна голова твоя?

– Разными, – пожал плечами парень.

Петимат восемнадцать лет, все её подруги давно уже были замужем. Полная, некрасивая, с круглым одутловатым лицом, она всё же была очень привлекательна для потенциальных женихов. Её отец Мансур, богатый и уважаемый чело-

век, души не чаял в единственной дочери.

– Мысли твои как сокол высоко летают, и не обращаешь ты внимание, на тех, кто по земле ходит, а зря Абу, поверь мне, зря.

– Не пойму я тебя Петимат.

– Эх, глупый! Не видишь своего счастья. Посмотри внимательней, оно перед тобой. Отец для меня ничего не пожалеет. Выдаст за того, кого я выберу. Ты Абу по сердцу мне! Вот видишь, я нарушила обычай, сама заговорила с тобой о замужестве.

– Спасибо Петимат за доверие, но сердцу не прикажешь. Я люблю другую девушку.

– Смотри Абу, упустишь своё счастье.

– Может быть и так, – кивнул Абу и пошёл своей дорогой.

Петимат смотрела ему в след, пока он не скрылся из виду.

– Что стоишь одна Петимат? – раздался за спиной хрипловатый голос, не оборачиваясь, девушка сказала:

– Опять это ты Магомед весь день за мной по пятам ходишь.

– Я не хотел доставить тебе неудобства. Шёл мимо, случайно увидел, как вы мило воркуете с Абу.

– Тебе-то что за дело? – ответила Петимат и пошла к своему дому,

Магомед шел следом.

– Нехорошо девушке в одиночестве разговаривать с парнем. Постыдилась бы, – сказал он.

– Ты не мой родственник, что б следить за мной. Какое тебе дело?

– Мне есть до этого дело. Я не раз говорил тебе, что ты мне нравишься. Мне как кинжал в сердце, видеть, как ты милуешься с другим.

– Оставь меня Магомед и больше не ходи за мной! – Петимат прибавила ходу, а парень остался на месте.

Постояв немного, Магомед выругался и пошёл в другую сторону. Эх, и зол он был! Абу нравился Петимат, а это нарушает планы Магомеда. Был он сыном джиггера. Со своим большим семейством его отец осел в Иласхан Юрте лет пятнадцать назад. Ему выделили надел, но недостаточный для такого количества едоков. Магомед пошёл служить к мехкам да Бейбулату Таймазову . Было это десять лет назад. Семнадцатилетний Магомед участвовал в нескольких набегах на земли гяуров, но однажды попал в такую передрагу, что еле ноги унёс. После чего решил, что такая жизнь не для него. К тому же, вскоре Таймазов был убит кровниками, а его джигиты разбрелись кто куда.

Несколько лет Магомед тихо жил в Иласхан Юрте только грезя о богатстве, а потом понял, вот она, твоя мечта, совсем рядом. Подросла Петимат, дочь богача Мансура. Завоевать сердце восемнадцатилетней толстушки, для красавца Магомеда казалось делом пустяковым. Но не тут, то было! На пути встал этот верзила Абу. Почесав бороду, Магомед направился к своему другу Лечи. Тот стоял возле сакли.

– К отцу приехал кунак из Гельдыгена, – сказал он, – потому в саклю нельзя.

– Не беда, – ответил Магомед, – пойдём к Мечику.

– Ты что такой злой? – спросил Лечи, внимательно посмотрев на друга.

– А это заметно?

– Ещё как.

– Проклятый Абу, вертится у меня под ногами. Он дождётся, что я зарежу его как барана.

– Не вздумай! Тебя изгонят из аула. Кроме того, у тебя появятся кровник, Хазболат. Они с Абу дружат с детства. Хазболата поддержит Баха, его старший брат. Враждовать с ними я тебе очень даже не советую.

Лечи был на два года младше, но гораздо умнее, Магомед в этом неоднократно убеждался.

– Я хочу поквитаться с Абу, – упрямо заявил он.

– Умение ждать своего часа, великий дар, данный Аллахом. Поверь мне, твоё терпение вознаградится. Не зря же говорить: «Несдержанность – глупость, терпение – мудрость».

– Тебе легко так говорить.

– Вот потому я советую тебе, не спеши!

Огромный белый пёс лежал около своей будки и с надеждой смотрел на свою хозяйку, маленькую, худенькую, женщину лет сорока пяти. Женщина пекла просяные лепёшки

в каменной печи стоящей здесь же во дворе, и разделявала мясо. Изредка она подбрасывала псу бараньи кости, этого момента и ждал пёс. Внезапно пёс посмотрел на дорогу и вскочил на ноги, он увидел знакомую фигуру Абу. Пёс бросился ему навстречу. Подбежав, он встал на задние лапы, а передние положил на плечи своему хозяину.

– Соскучился? – Абу трепал пса за загривок. – Ну, пойдём.

– Проголодался Абу? – спросила женщина, как только он вошёл во двор. – Обед готов, сейчас я покормлю тебя.

– Я не голоден мама, – ответил он, – поел у Бахи.

– Почему ты ешь у чужих людей, как будто ты бездомный бродяга?!

– Баха и Хазболат мне не чужие, – улыбнулся Абу, – к тому же я побратался с Хазболатом.

Он распряг своего жеребца, привязал его к коновязи.

– Вассала вaleyкум Абу, да продлятся неисчислимо твои дни Хеди.

У каменного забора стояли их соседи: Умар со своим младшим сыном Вацу.

– Вaleyкум вассалам Умар. Да придут все блага этого мира за добрые слова твои.

– Абу, мы же договорились с тобой, что б вы держали своего пса на привязи.

– Да, мы выполняем этот уговор.

– Я только что видел, как он бежит по улице!

– Послушай Умар, пёс бежал ко мне. Он не был без при-

смотра.

– Не болтай ерунды Абу! – повысил голос Умар. – В прошлый раз твоя собака загрызла мою курицу, а у Халила собака задушила ягнёнка. Наверняка, это тоже был твой пёс.

– Послушай сосед, я заплатил тебе за курицу. Ягнёнка Халила загрыз не мой пёс, он был тогда на привязи. И почему ты орёшь на меня?!

– Тебе раз уже сказали, держать собаку на привязи, а ты не послушал! Как после этого с тобой разговаривать?! – вслед за отцом заорал Вацу.

– А ты заткнись, когда старшие разговаривают – процедил сквозь зубы Абу, не удостоив Вацу даже взглядом. – Или отец не учил тебя законам адата?

– Кто ты такой, что б указывать мне что можно, а чего нельзя?! – взвизгнул Вацу.

– Придётся мне тебя поучить, раз больше не кому, – усмехнулся Абу.

– Заткнись или я надаю тебе по морде! – орал Вацу.

– Если дотянешься, – рассмеялся Абу, – не даром тебя зовут Вацу.

Парень был низкого роста, почти карлик, а тут ещё и имя у него неподходящее: Вацу, от того он болезненно воспринимал намёки на свой рост. Сжав кулаки, коротышка, перепрыгнул невысокий забор, отделявший их двор от двора Абу, и бросился на своего обидчика. Получив удар в грудь, Вацу рухнул на землю.

– Что ты делаешь Абу?! – закричал Умар.

Он так же перебрался через забор, наклонился к сыну, помог ему подняться.

– Я пожалуюсь на тебя старшине, – сказал Умар, – пойдём мой мальчик.

У своей сакли Вацу крикнул:

– Клянусь Аллахом, я зарежу тебя как барана!

За всё время ссоры Хеди не проронила ни слова. Она стояла в стороне. Когда Вацу с отцом ушли, сказала сыну:

– Зачем ты затеял эту драку сынок? Если аульный старшина подумает, что это ты виноват?

– Старшина Иласхан мудрый человек, он всё поймёт и решит по справедливости.

– Хорошо если это будет так сынок.

Ворон доклевав мясо, которое утащил со двора Юсапа, взмыл вверх. Он облетел по кругу весь Иласхан Юрт и вернулся к роднику. Сел на свое любимое дерево. Только мальчика Кунты там уже не было, он ушёл домой.

Глава 3

Мокрый снег сыпал как из решета, ветер стонал и выл в печной трубе. В такую погоду, матушка, Пелагея Ильинична Аносова любила говаривать: «До чего же я люблю осеннюю распутицу. Хорошо смотреть в окошко, как с неба водица льёт и снег падает, да радоваться, что ты сидишь под крышей и у тебя тепло и сухо».

Сегодня Владимир как раз получил письмо от маменьки.

Она сообщала о казанских новостях: кто венчался, родился или помер: «В Ильин день была в гостях у твоей тётушки Анны Ильиничны. После обеда, она гадала на тебя. Карты показали, что ожидает тебя сыночек, большая любовь. Отпиши родимый, нет ли у тебя на сердце зазнобушки. Хорошо бы тебе уйти в отставку со службы и ожениться, порадовать старуху – мать, внучатами...» – писала она.

«Эх, всё врут карты, милая матушка», – грустно усмехнулся Владимир.

Графиня Скобаньская, увлеклась Одинцовым и совершенно не обращала внимания на Аносова. Владимир пытался объяснить с ней, однако графиня, оборвав его любовные излияния, потребовала оставить её в покое. Владимир помчался к Одинцову, с полчаса высказывал ему своё возмущение, обвиняя в коварстве.

– Послушай Владимир, ты всё слишком близко принимаешь к сердцу, – сказал тот, выслушав сумбурные речи корнета, – поверь мне, графиня испорчена светом, ей чужды и незнакомы искренние чувства. Она просто смеётся над тобой. Так не позволяй же выставлять себя посмешищем.

– А как ты относишься к графине? – спросил Аносов.

– Этой особе вздумалось развлечься в нашей глухомани, и тут подвернулся я. Ни к чему не обязывающий роман.

– Я как другу тебе рассказывал о своей любви, и после этого ты говоришь мне такое! – закричал Владимир.

Выскочив от Одинцова, он помчался к Лежину, уж кто-

кто, а друг то поймёт его, но Сашка поддержал Одинцова:

– Выбрось ты эту кокотку из головы. Ну не получилось с ней помахать, не беда. Ты слишком серьёзно всё воспринимаешь, это до добра не доведёт. Поверь мне.

Нет, ни кто решительно не хотел понимать его. А он страдал, как он страдал!

– Ты что тут сумерничаешь, друг любезный? – услышал он за спиной голос Лежина.

Тот стоял у порога, из-за спины испугано выглядывал Ванька.

– Дрыхнешь братец?! – обернулся к нему Лежин. – Прими шинель.

Ванька с шинелью быстренько удалился. Сашка по диагонали прошелся по комнате, развернувшись на каблуках, подошёл к зеркалу.

– Хватит сидеть как сыч в темноте, пора выйти в свет. Одевайся, пойдём к Федякину. Посидим, развеемся.

– Пойдём, – согласился Владимир, гоня прочь печаль-тоску, – Ванька, мундир!

« 25 октября 1840 года.

Так уж повелось, что я доверяю свои сокровенные мысли этой тетради, а не другу. Нет никого в Кречевицах, кому мог бы я открыть своё сердце.

Служу здесь уже третий год, но так и не обзавёлся друзьями. Право даже не знаю в чём причина. Может всему виной

мой скрытный характер или ещё что, но факт остаётся фактом, я одинок. Хотя в приятельских отношениях с некоторыми офицерами, но нет друга. Как сторонний наблюдатель созерцаю я за маленькими драмами, кои изредка происходят в Кречевицах. Впрочем, велика вероятность, что в одной из них центральным персонажем буду я. А что это будет комедия или фарс покажет время.

Примерно с неделю назад, у нас в Кречевицах объявились некто господин Бошняков с очаровательной спутницей, графиней Скобаньской. Внешность у Павла Афанасьевича примерзейшая, впрочем, возможно у него много добродетелей компенсирующих его внешнюю неприглядность. Мне это не ведомо, поскольку не имел чести близко сойтись с месьё Бошняковым.

У нас все ломают головы, в каком качестве приехала с ним графиня.

Впрочем, вскоре, всё это отошло на второй план. У графини нашлось немало поклонников, Бошняков же относится к её воздыхателям лояльно. По этой причине, все сделали вывод, что отношения между графиней и Бошняковым чисто дружеские.

Наибольшим любовным пылом к светской красавице воспылал драгунский корнет Аносов. На балу в офицерском собрании он весь вечер танцевал с ней, а потом явился ко мне, и заявил, что влюблён в графиню. Мальчишка совсем опьянел от этой страсти и возомнил, что и Скобаньская отвечает

ему взаимностью.

Горьким было похмелье бедного корнета: графиня дал понять Аносову, что он ей безразличен. Оно и понятно, Скобаньской вряд ли интересен наивный юнец, но что совсем уж занятно, своё внимание графиня направила на меня. Двусмысленную роль, сыграл при этом месё Бошняков. Встретив меня на улице, он чуть ли не силой затащил к себе на обед. Там и осчастливила нас своим присутствием госпожа Скобаньская.

Как выяснилось, графиня оказалась особой преоригинальной.

На следующий день я был приглашён госпожой Скобаньской на чай. Мы мило беседовали с ней о пустяках, вспоминали общих знакомых. Разговор коснулся Петра, моего старшего братца. Графиня как выяснилось, знакома с ним, она живо интересовалась его судьбой. Я уверил её, что Петя ведёт размеренную жизнь помещика, и ничем не интересуется кроме как видами на будущий урожай.

Графиня припомнила о вольнодумствах Петра, но я уверил её, что это всё в прошлом. Скобаньская к моему удивлению стала высказывать бунтарские мысли, намекая на свои связи с польскими конфедератами. Я же напомнил ей, что являюсь офицером и своим долгом считаю служение государю императору.

Однако вскоре заумные разговоры наскучили графине, и мы перешли на темы более безопасные.

Интересно, чем я мог приглянуться этой светской львице? Вокруг неё немало ухажёров на много красивее меня, но графиня благосклоннее всего отнеслась к моей скромной персоне. Так или иначе, но наш адюльтер продолжался, и дело шло к логическому концу, мы стали любовниками.

Надо сказать, что любовный пыл графини в постели, выше всяких похвал.

Вероятно разомлев от моих ласк, госпожа Скобаньская завела вольнодумные речи о тирании нашего досточтимого монарха. На меня её слова навели огромную тоску, и я поспешил раскланяться.

Всё бы ничего, но бедняга Аносов, продолжает тайно вздыхать о графине. Он пытался объяснить с ней, но та холодно попросила его больше не преследовать её. Не знаю почему, но Владимир меня обвинил в своих любовных неудачах. Он пришёл ко мне на квартиру, наговорил различных дерзостей. Я, было, пытался урезонить его, к сожалению, он меня не послушал. Вот таков анекдотец.

Впрочем, ничего страшного в этом нет. Графиня скоро уедет, и Аносов её благополучно позабудет. Тогда-то мы с ним весело посмеёмся над всей этой историей.

Владимир умиляет меня своей наивностью. Он напоминает моего старшего брата Петра. Между мной и братом двенадцать лет разницы, но порой мне кажется, что старший из нас я, а не Пётр.

Зимой тридцать первого года, когда я ещё был юнкером в

Александровском училище, братец пожаловал в Петербург. В один из вечеров мы пошли с ним во «Французский театр» Апраксина . Там давали Шиллера: «Коварство и любовь» с Молчановым . Как Пётр рыдал над этой пьесой! Удивил он тогда меня изрядно.

Брат по-прежнему, как и в юношеские годы мечтает осчастливить всё человечество, только не знает как. В голове его роятся множество прожектов, которые разбиваются в прах, соприкоснувшись с реальностью.

Взглянувши пристально на Петра, можно найти в нём много недостатков, но, несомненно, одно, человек он глубоко порядочный, и не способный на подлость.

Аносов как мне кажется из той же породы. Впрочем, я могу и ошибаться».

Положив перо на стол, и закрыв чернильницу, Алексей, сцепив пальцы на затылке, откинулся на спинку стула.

«Эко непогода разыгралась, – подумал он, глядя в окно, – как говорила наша ключница Дуняша: « В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит». Да уж больно дома сидеть не хочется, а охота, как известно пуще неволи. Пойду к Федякину, развеюсь».

Одинцов встал, надел мундир, и крикнул денщику:
– Василий, подай шинель и фуражку.

Посетителей в ресторации было не много. За одним из

столиков ужинал генерал Офенберг, компанию ему составляли полковник Штольц и господин Бошняков. Издали раскланявшись с ними, Алексей прошёл в бильярдную. Там у окна расположилась компания офицеров. Драгунский поручик Белозёров что-то рассказывал. Судя по всему, история была весёлая, потому как вся компания хохотала. Подойдя, к ним, Одинцов сказал:

– Ваш смех слышан даже на улице. О чём Игорёк, ты так занятно повествуешь?

– Вспоминаю как Коленька Федосеев, будучи юнкером, убеждал меня, что, не может быть свободолюбивой мысли под армейской кокардой. Любил шельмец повторять: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». От бывшего вольнодумства не осталось и следа. Сейчас Федосеев целыми днями гоняет свой взвод, лишь бы заслужить одобрение Прусака.

– Причина служебной ретивости его всем известна, это Поленька Офенберг. Посему данный факт служит смягчающим обстоятельством Николаю, – пожал плечами Одинцов, – кстати, автор этих строк, господин Грибоедов, так же прислуживал начальству и весьма ретиво.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Белозёров.

– Господа, да это всем известно! – рассмеялся Алексей. – Грибоедов служил на Кавказе у Ермолова. Тот даже спас поэта после декабрьских событий 1825 года. Когда к Ермолову прибыл фельдъегерь с приказом об аресте всех бумаг Грибоедова. Что делает генерал? Он оставляет фельдъегеря у себя

в кабинете, а Грибоедова отправляет домой и тот всё сжигает. Таким образом, Ермолов избавил его от ссылки в Сибирь. Между тем господин Грибоедов исправно строчил доносы на генерала в Петербург. Этот факт общеизвестен. Хороший поэт, ещё не означает, порядочный человек.

– Подлецы есть везде, и среди поэтов и среди офицеров, – сказал Аносов, так же присутствующий при разговоре, – один из них даже в нашей компании.

Наступила мёртвая тишина.

– Что значат твои слова Владимир? – спросил Одинцов. – Объяснись.

– Охотно, – кивнул корнет, – когда я говорил о мерзавцах в нашей компании, я имел в виду вас господин поручик.

– Ты в своём уме Аносов?! – воскликнул Белозёров.

– Корнет, вероятно, вы сегодня изрядно перепили, и болтаете невесёлое, – холодно ответил Одинцов, – завтра протрезвеете, и будете сожалеть о своих словах.

– Завтра я не откажусь от того что сказал сегодня, – ответил тот, глядя в глаза Алексею.

– Господа уgomонитесь! – воскликнул самый старший в компании, артиллерийский капитан Мещеряков. – Это переходит всякие границы. Владимир недопустимо говорить такое!

– Господин капитан, я говорю поручику Одинцову то, что сочту нужным, – запальчиво воскликнул Аносов.

– Господин корнет, слова, которые вы произнесли в мой

адрес, не дают мне другого выхода...

– Не трудитесь, Одинцов, я принимаю ваш вызов!

– Как я понимаю, вашим секундантом будет поручик Лежин, – холодно продолжил Алексей.

– Вы совершенно правы господин поручик, – кивнул корнет.

– Хорошо, – усмехнулся Одинцов, – господин капитан, можно вас на пару слов, – он взял Мещерякова за руку и отвёл в сторону. Грустно улыбнувшись, Одинцов сказал: – Александр Иванович, сложившаяся ситуация произошла у вас на глазах. Прошу вас быть моим секундантом.

– Хорошо Алексей Николаевич. Ах, какая глупейшая история! – вздохнул Мещеряков.

– Обычный повод для дуэли. Хотя я с вами согласен, ситуация идиотская, – вздохнул Одинцов. – Благодарю вас Александр Иванович, и до скорой встречи.

Отойдя от капитана, Одинцов попрощался и с остальными офицерами, после чего отправился домой.

– Вот так господа, – развёл руками Мещеряков, и пошел следом за Одинцовым.

Офицеры один за другим разошлись, Аносов остался один. На душе его было мерзко и тоскливо.

«Будь что будет», – махнул рукой он, и пошёл искать Лежина, тот был в малом зале.

– Представь себе, в первый раз встал из-за карточного стола вовремя! – весело сказал он, подойдя к Владимиру.

– У меня к тебе просьба, – Аносов взял друга за руку и отвёл подальше от столов, что б их ни кто не слышал, – мне завтра понадобятся твои лепажи .

– И с кем же позволю спросить у тебя дуэль? – воскликнул Сашка.

– С Одинцовым.

– Вы же были приятелями, какая кошка между вами пробежала?! Впрочем, я догадываюсь, поцапались из-за этой гризетки Скобаньской.

– Послушай Александр, оставим графиню. Ты согласен быть моим секундантом, или мне придётся обратиться к кому-либо ещё?

– Володя я считал тебя своим другом.

– Так оно и есть.

– Тогда почему ты так говоришь?! Я твой секундант. Но позволю тебе заметить, не стоило из-за графини ссориться с Одинцовым. А уж затевать дуэль по этому поводу, великая глупость!

– Это Саша моё дело.

– Согласен, – вздохнул Лежин.

– Ну и хорошо! Секундантом Одинцова будет капитан Мещеряков, договорись с ним о времени и месте. Я пойду домой, когда всё обговорите, дай знать.

Владимир был настолько взвинчен, что возвращаясь, к себе даже не замечал, что идет, по лужам, не разбирая дороги.

Одинцов же напротив, был совершенно спокоен. Придя домой, он достал свою тетрадь, и стал писать:

« Может так случиться, что это последние строки в моём дневнике.

Я думал, что увлечение графиней у Аносова мимолётное и несерьёзное, но, оказалось, я ошибался, потому как, всё обернулось дуэлью между нами. Владимир влюбился в графиню, и мой адюльтер с ней счёл оскорблением для себя. Как всё пошло и смешно! Но теперь уж изменить ничего нельзя.

Я всё время задумывался над смыслом своего бытия, и вот судьба предоставляет мне шанс проверить, есть ли оный смысл в моём существовании. Формально вызов на дуэль исходил от меня, следовательно, если мне выпадет жребий стрелять первым, то выстрелить в воздух я не имею права. Таковы правила дуэльного кодекса. Раз так я не буду стрелять прицельно. Если же жребий быть первым выпадет Аносову, тогда возможно мне не будет нужды стрелять вообще. Таким образом, судьба рукой Аносова решит, достоин ли я, жить в этом бренном мире».

Встав из-за стола, Одинцов подошёл к весившему на стене зеркалу. Улыбнулся своему отражению и продекламировал:

– Гляжу на будущность с боязнью,

Гляжу на прошлое с тоской

И, как преступник перед казнью,

Ищу кругом души родной;

Пройдясь по комнате, он позвал денщика:

– Аристархов, хватит спать, подойди сюда!

Босой, заспанный Василий, появился тот час же.

– Слушаюсь ваше благородие.

– Возьми эту тетрадь, – Одинцов протянул ему свой дневник, – мне предстоит дуэль. Если со мной что-либо случиться, спрячь этот дневник, потом передашь моему старшему брату.

– Да что вы такое говорите ваше благородие! – испугано вскрикнул Аристархов.

– Ладно, не лопочи. Судьба, как говорят турки: «кысмет».

Кто-то постучал в дверь.

– Отвори, – кивнул Одинцов денщику.

Пришёл Мещеряков.

– Ещё раз добрый вечер голубчик, если можно назвать его добрым, – сказал он, отдавая шинель и фуражку Аристархову, – я только что встречался с поручиком Лежиным. Он передал мне условия Аносова, стреляться завтра поутру, с шести шагов. Договорились, встретиться в половине восьмого на поляне что на берегу Волхова. Помните, прошлым летом мы справляли там именины штабс-капитана Кузнецова?

– Хорошо, – кивнул Одинцов, – Василий ступай к Тимофею Звереву, и скажи, что поутру запряг коляску и заехал к нам на квартиру в половину седьмого, перед уходом, поставь нам самовар.

– Слушаюсь ваше благородие, – ответил Аристархов, и вышел.

– Давайте Александр Иванович попьём чаю, если вы желаете, что-либо покрепче, я, увы, в этом случае не могу составить вам компанию.

– Обойдёмся чаем, Алексей Николаевич, – вздохнул Мещеряков, – да и недолго я у вас задержусь, вам нужно отдохнуть. Советую хоть немного поспать.

Одинцов не смог воспользоваться советом капитана. Всю ночь он ходил по комнате, пытался отвлечься чтением, но тщетно.

Сумерки неторопливо отступали и тёмное небо медленно серело. Окружающие деревья принимали более ясные очертания. Ночью сильно похолодало, и под утро пошёл снег. Аносов подставил руку и снежинки падая, таяли в ладони. Мокрой рукой он протёр лицо.

«Вот ведь оказия, какая! Всю ночь не мог сомкнуть глаз, а теперь спать хочется, хоть режь, – с усмешкой подумал он. – Интересно, суждено ли мне будет ещё увидеть первый снег?»

В метрах пяти от него переминаясь с ноги на ногу, стояли Лежин и полковой медик Иван Пафнутьевич Скоков, добродушный толстячок пятидесяти лет от роду, немало поштопавший господ офицеров после дуэлей. Скоков достав из кармана жилетки часы и промолвил:

– Четверть восьмого, пора бы уже им и подъехать.

В этот момент Лежин махнул рукой в сторону дороги:

– Едут.

Коляска остановилась в метрах в двадцати от них. Из неё вышли Одинцов и Мещеряков.

– Прошу извинения господина за задержку, – сказал Одинцов.

– Ничего страшного, мы не так уж и долго вас ждали, – ответил Лежин. – Господина, не угодно ли будет вам примириться?

Мещеряков поддержал Сашку:

– Право помиритесь господина!

– Я не возражаю против примирения, – кивнул Одинцов, – мои условия просты и вполне естественны для подобной ситуации. Корнет Аносов должен принести мне публичные извинения.

– Я уже всё сказал вчера, – ответил Владимир, – от своих слов я не отказываюсь. Говорить в таких обстоятельствах об извинениях считаю излишним.

– Ну что ж, тогда дуэль, – кивнул Одинцов.

– Эх, господина! – вздохнул Скоков.

– Коли так, не будем мешкать, – произнёс Лежин. Немного помолчав, добавил с сожалением: – А зря! Право слово, зря!

Он вынул из ножен саблю и воткнул её в землю.

– Позвольте Александр Иванович вашу, – попросил он вторую у Мещерякова и, отсчитав положенное расстояние, воткнул в землю.

Капитан тем временем достал монетку.

– Прошу выбирать господ.

– Решка, – поспешно сказал Аносов.

– Мне, следовательно, орёл, – ответил Одинцов.

Мещеряков подкинул монету и поймал её обеими ладонями.

– Решка, – усмехнулся Одинцов, – вам везёт корнет.

– Иногда – ответил тот.

– Господа пистолеты заряжены, прошу брать, – сказал Лежин.

Одинцов и Аносов разошлись, встав каждый на своё место. Алексей встал боком и закрыл левой рукой грудь, прикрывая то место, где сердце. Аносов прицелился и выстрелил. Острая боль пронзила правый бок Одинцова. Тело горело, словно его жгли раскаленным железом, Алексей повалился на землю, проваливаясь в темноту.

Солнце почти не заглядывает в маленькое оконце гарнизонной гауптвахты, потому всегда здесь сумрачно, и тоскливо. В первый день Аносов не находил себе места, мерил камеру шагами из угла в угол. Затем пришло оцепенение, он лежал на кровати и смотрел в потолок. Ночь сменяла день, а утро ночь, и Аносов потерял счёт суткам. Казалось, что он здесь уже год, а прошло всего лишь две недели.

В коридоре слышались шаги, лязгнули засовы, и за скрипела дверь. На пороге стоял Сашка, обернувшись, он сказал стоящему за спиной надзирателю:

– Спасибо Михеич, я быстро.

– Вы уж не подводите меня господин поручик, – ответил тот.

– Не беспокойся. Держи.

Сашка протянул трёхрублёвую ассигнацию.

– Ну как настроение? Хотя, что за пошлый вопрос?! Как может чувствовать себя человек в твоём положении, – сказал Лежин, присаживаясь на табурет стоящий у стола.

– Что новенького можешь поведать о моих делах? – спросил Аносов, по-прежнему глядя в потолок.

– Прусак направил все материалы по вашей дуэли генерал-аудиториату. Как мне известно, ответ ещё не пришёл.

– Чего тянут?

– Не знаю, – пожал плечами Сашка.

– Как Одинцов?

– Я, перед тем как идти к тебе, разговаривал с Пафнutyчем, он сказал, что не жилец Алексей.

– А графиня?

– Они с Бошняковым уехали через день после дуэли. Она даже не интересовалась Одинцовым. Эх, Володя, зачем только ты стрелялся из-за этой куртизанки?!

– Прекрати так говорить о ней!

– Теперь уж говори что хочешь, всё равно ничего не изменишь, – горько усмехнулся Лежин, – завтра я уезжаю за рекрутами в Новгород.

– Желаю тебе неплохо развеяться от здешней скуки, – ска-

зал Аносов.

Дверь открылась, надзиратель, заглянув в камеру, сказал:

– Пора господи поручик. Не ровен час, начальство пожалует, беды не оберёшься.

– Иду, – сказал Лежин, – ну прощай Володя, не известно свидимся ли ещё.

Они обнялись, и Лежин вышел. Дверь захлопнулась, словно крышку гроба закрыли. Владимиру стало горько, и захотелось выть по-волчьи. Он накрылся шинелью и застонал.

1 ноября пришло постановление генерал-аудиториата, великого князя Михаила Павловича: «Корнета Аносова лишить офицерского чина. Перевести из гарнизонной гауптвахты в Ордонансгауз . Сверх содержания его под арестом с двадцать шестого прошлого месяца, выдержать ещё под оным ещё три месяца в крепости в каземате, и потом выписать в один из армейских полков». Император Николай 1, ознакомившись с решением генерал-аудиториата, наложил резолюцию: «Быть по сему». Бекендорф, прочитав решение императора, промолвил: « Право корнет, ухлопал бы Одинцова, тогда ей богу, похлопотал бы за тебя перед государем-императором. А так, получи своё».

«25 января 1841 года.

Три месяца я не прикасался к своему дневнику, и были у меня для этого веские основания. Получив пулю от Аносова, я два месяца провалялся в горячке. Едва оправился, тотчас

же испросил разрешение у полковника Штольца на отпуск для поправки здоровья. Получив его, отправился в деревню к братцу.

Хозяйством своим братец не шибко обременён, по причине того что в приказчиках у него староста Михей Зипунов, мужик не пьющий и возможно, человек честный. Но даже если Михей и ворует, то самую малость, и сие не заметно. Пётр за ним как за каменной стеной.

Время мы с братцем провели славно. Долгие зимние вечера коротали в спорах и беседах об обустройстве нашей России-матушки. Каждый остался при своём мнении, ибо доказать ничего друг другу не смогли.

Отпуск мой закончился и вчера я возвратился в Кречевицы. Сегодня утром прибыл на доклад к полковнику Штольцу. Встретил он меня весьма любезно. Поинтересовался моим здоровьем, а потом заявил:

«Господин поручик, перед вашим ранением, вы подали мне рапорт о переводе вас на Кавказ. Ваше прошение удовлетворено».

Мне не оставалось ничего другого как заявить, что очень этому рад.

Полковник Штолец внимательно посмотрел на меня, и сказал: « Вот что я хочу вам сказать Алексей Николаевич. Вы показали себя достойным офицером, скажу более, больше бы мне, таких как вы. Думаю, и на Кавказе вы проявите себя с наилучшей стороны. Я желаю вам всяческих успехов.

Да хранит вас господь».

Мне осталось только поблагодарить полковника за добрые слова и откланяться.

Дома, я сообщил Василию о скором моём отъезде на Кавказ, от чего Аристархов приуныл. Он успел привязаться ко мне, и попросил разрешения поехать вместе со мной. Снова мне пришлось идти к Штольцу, просить отпустить Аристархова, тот не возражал. Обещал выправить все необходимые для этого бумаги.

Сегодня в ресторации я даю прощальную пирушку в честь своего отъезда, а потом:

«синие горы Кавказа, приветствуют вас»».

Глава 4

Утром ветер нагнал тучи, и казалось, зарядит нудный, осенний дождь, однако на землю упало всего несколько капель. Мать доила корову в хлеву, а Абу поев, чистил ружьё во дворе.

– Абу отнеси тётушке Зайнап лепёшки и молоко, – крикнула она, – совсем плоха, стала старуха. Скажи ей, подою корову зайду.

– Хорошо мама.

Когда Абу проходил мимо сакли соседей, на пороге показался Вацу, он что-то процедил сквозь зубы и ушёл к себе.

«Надо бы проучить этого дурачка, – подумал Абу, – ну ничего, ещё будет время».

На пустой улице он издали увидел стройный девичий си-

луэт. Сердце замерло! Это была Кхокху, та, которую он безнадежно любит. Даже со спины, он узнал бы её из тысячи других девушек. Она несла кувшин на плече. Неожиданно для себя, Абу догнал её и сказал:

– Здравствуй Кхокху.

Та, поставив кувшин на землю, и улыбнувшись, ответила: – День добрый Абу. Да ниспошлёт Аллах тебе удачу и благоденствие.

– Благодарю тебя Кхокху за добрые слова. Я верю, что день будет удачен для меня, раз я повстречал тебя, – выпалил Абу, – я помню каждый день, когда имел счастье видеть тебя. Потому что я люблю тебя Кхокху. Теперь вот сказал это тебе и будь что будет!

– Что ты говоришь Абу! Разве можно так смеяться надо мной? Я никогда не давала повода для этого.

– Да отсохнет у меня язык, если я говорю неправду! – воскликнул Абу. – Ни кому я не позволю насмеяться над тобой! Поверь мне Кхокху, я люблю тебя!

– Что ж Абу, спасибо тебе за добрые слова. Должна признаться, что и ты мне мил. Я всегда издали, тайком, любовалась тобой. Мне даже и в голову не могло прийти, что ты скажешь мне о своей любви. Но нам нельзя долго разговаривать, немало найдётся злых языков, что бы опорочить меня.

– Не беспокойся Кхокху, моя рука тверда и любому я смогу прикрыть рот. Но ты права, мы слишком долго стоим здесь на пустой улице. Кхокху когда я вновь смогу увидеть

тебя?

– Завтра после полуденной молитвы, я пойду навестить мою тётушку Пердоз. Пробуду у неё недолго. Ты же жди меня у Мечика, напротив её сакли. Я спущусь к тебе, когда выйду от тётушки, а теперь я пойду.

И Кхокху подхватив кувшин, быстро пошла по улице. Абу смотрел девушке в след, пока она не скрылась из виду. И о чудо! Ветер разогнал тучи, на небе весело засияло солнышко. Как хорошо стало кругом! Так же светло и ясно было на душе Абу.

Старушка Зайнап, ни как не могла взять в толк, какая муха укусила Абу? Чего он так развеселился? Шамкая беззубым ртом, она сказала:

– Старая я совсем стала, ни чего есть не могу. Съела кушачек лепёшки и всё, больше не хочу.

– Мама просила меня посидеть с тобой до её прихода, – сказал он, беря из рук Зайнап кувшин с молоком.

– Была нужда тебе сидеть со старухой! Ты молодой и должен быть со своей ровней. Нам старикам остаётся доживать свой век, да небо коптить. Иди Абу, спасибо тебе за заботу.

Тот не стал возражать, и направился к Хазболату. Братья весь день перекрывали крышу на овчарне. Баха взглянув на счастливого Абу, с усмешкой сказал:

– У тебя такой довольный вид, словно у кота, стащившего хозяйскую сметану. Скажи на милость, что случилось?

– Ничего, – пожал плечами Абу.

– Ну не хочешь, не говори, – Баха спрыгнул с овчарни, – нам скоро отправляться в дорогу.

– Когда? – упав, духом спросил Абу.

– Послезавтра на заре выезжаем.

– Хорошо, – с облегчением сказал Абу, – а сейчас я пойду.

Баха ездил с абреками за Терек, угонял скот у неверных. Абу с Хазболом давно просили его взять их с собой. Тот всё тянул, а вот теперь согласился. Мог ли Абу раньше подумать, что не обрадует его это известие?!

Утро выдалось тёплое и ясное. Во дворе воробьи устроили шумный переполох, отбирая друг у друга кусочек просяной лепёшки. Абу с нетерпением ждал полудня. Ох, как долго тянется время!

Наконец муэдзин с минарета призвал правоверных к полуденной молитве. Самое удобное время идти к Мечикю, потому как на улице ни души. Перемахнув через каменный забор, Абу отправился на свидание. Он спустился к реке неподалеку от дома кузнеца Юсуфа, и прошёл вдоль берега к сакле Пердоз. У обрыва сразу за огородом вдовы росли густые кусты ивы. В них и притаился Абу.

Сердце его бешено колотилось, а что если Кхокху передумала? Но нет, вот она!

– Кхокху я здесь, – произнёс Абу, осипшим от волнения голосом, – тут недалеко есть укромное местечко, пойдём туда.

– Хорошо, – согласилась Кхокху. – Ты долго ждал меня? Никак не могла вырваться от тётушки.

Они пошли вдоль Мечика.

– Я весь день думал о тебе Кхокху. Так ждал этого свидания, что время для меня остановилось.

– Признаться, я тоже с нетерпением ждала этого часа, – улыбнулась девушка.

– Кхокху, я хочу, что бы ты знала, ты для меня дороже жизни. В Иласхан Юрте много красивых девушек, но для меня никого нет милее тебя. Ты для меня всё! – горячо говорил Абу, держа девушку за руки.

Кхокху ответила, улыбнувшись:

– Ты говоришь как Омар Хайям:

«Ты кого я избрал, всех милей

для меня

Сердца пылкого жар, свет очей

для меня

В жизни есть ли хоть что ни будь жизни дороже?

Ты и жизни дороже моей

для меня».

– Когда он тебе это сказал? – расстроился Абу.

– Кто? – не поняла Кхокху.

– Этот Омар Хайям.

Девушка рассмеялась:

– Мне он ни чего не говорил. Это поэт, и жил он в то время, когда ещё не родились наши прадедушки.

– Он тоже, наверное, любил свою девушку так же сильно как я тебя. Как красиво сказал! А еще что он говорил?

– Он много писал о любви, вот например:

«Любовь – роковая беда, но беда

– по воле Аллаха

Что ж вы порицаете то, что всегда

– по воле Аллаха

Возникла и зла и добра череда –

– по воле Аллаха

За что же нам громы и пламя суда

– по воле Аллаха».

Впоследствии Абу не мог сказать, долго ли, коротко было его первое свидание с Кхокху. Для него это время пронеслось, словно один миг, настало время влюблённым прощаться.

Словно на крыльях летела Кхокху домой. Отец, взглянув на неё, спросил:

– Чем Пердоз так обрадовала тебя, что ты вся светишься?

Что случилось?

– Ничего, – потупившись, ответила девушка.

– Ну и ладо, – усмехнулся Юсап, – раз смеёшься, а не плачешь, значит у тебя всё хорошо. У меня для тебя хорошие вести. Хочешь, скажу?

– Да папа.

– Тогда слушай: тебе уже шестнадцать, ты взрослая де-

вушка, и тебе пора замуж. Я нашёл тебе стоящего мужа.

– И кто же это? – спросила Кхокху, предчувствуя недоброе.

– Помнишь недавно ко мне заезжал мой кунак Тошо? Он сказал, что ты понравилась ему, и хочет взять тебя в жёны. Тошо человек богатый, уважаемый, именно такой муж тебе и нужен.

– Да, но он же старый!

– Дочка я что же, по-твоему, старый? – рассмеялся Юсап. – А Тошо одних со мной лет. К тому же, зачем тебе молодой ветрогон, у которого ничего нет за душой. Поверь мне, с Тошо ты будешь счастлива.

– Ты говоришь о моём счастье, словно о своём! Как ты можешь знать, буду ли я счастлива? И уже всё решил за меня. Так знай же, я не буду женой Тошо! Уж лучше смерть, чем жить с нелюбимым мужем!

– Что ты такое говоришь дочка?! – Юсап испуганно посмотрел на дочь. – Кого же ты хочешь себе в мужья?

– Абу, сына покойного Муссы.

– Так он же беден! Такой ли муж нужен тебе?!

– Я хочу замуж не за мешок золота, а за человека!

– Но почему ты решила, что Абу хочет взять тебя в жёны?

– Тебе нужно, что б он посватался? – Кхокху посмотрела отцу в глаза.

– Вряд ли он сможет заплатить калым за тебя, – сказал Юсап и отвёл взгляд. – Когда вы только успели сговориться?

И рассмеявшись, продолжил:

– Я даже не заметил, как быстро ты выросла. Иди к себе, у нас ещё будет время поговорить о твоём замужестве.

Кхокху ушла на свою половину, а Юсап задумался. Он хорошо знал характер дочери, и отнёсся к её словам серьёзно.

«Это всё Умар со своей учёностью! Совсем сбил девчонку с толку, – вздохнул Юсап, и решил, – что ж предадимся воле Аллаха, и пусть всё идет своим чередом».

Тут он почувствовал, что кто-то стоит за его спиной, обернувшись, увидел сына.

– Извини отец, если помешал твоим размышлениям, – сказал Лечи, – но все, же разреши спросить: ты что же, изменишь, своё решение в угоду вздорной девчонке?

– Ты что подслушивал?

– В этом не было нужды. Вы разговаривали так громко, что хочешь, не хочешь, всё услышишь. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Да, я откажу Тошо, если это потребуется для счастья Кхокху.

– И выдашь её за голодранца Абу?!

– Ты сам слышал. Кхокху сказала, что любит его.

– Да мало ли какие бредни лезут в голову глупой девчонке! Не позволяй ей вертеть собой как она хочет! Почему ты слушаешь её?!

– Я поклялся вашей матери перед её смертью, что сделаю всё для счастья своих детей. Клялся на «Коране»! И прекра-

тим этот разговор!

– Хорошо, пусть всё будет, так как ты решил папа.

Лечи, отправился к Магомеду. Идти нужно было мимо сакли Абу. Тот возился у себя во дворе. Впоследствии Лечи и сам не мог объяснить, почему он не пошёл дальше, а притаился за забором. Хеди пошла к колодцу, а вскоре и Абу, направился куда-то. В голове Лечи созрел план, простой и надёжный, как удар кинжала.

Он перемахнул через забор и пробрался в саклю Абу. В комнате на лавке лежало оружие. Лечи, страшно рисковал, в любой момент могли прийти хозяева, Немедля ни секунды, он схватил жакх с профилем волка на крышке и выскочил на улицу. Он молил Аллаха, что б его никто не увидел, и бежал прочь от сакли Абу.

Магомед у себя во дворе, чистил коня. Увидев друга, сказал:

– Я скоро закончу. Потом попьём чай.

– Хорошо, я подожду, – ответил Лечи.

Что бы хоть как то убить время, он достал кинжал и стал строгать щепку, которую подобрал тут же.

– Хороший клинок, – сказал Магомед, мельком взглянув на оружие.

– Подарок Тошо, кунака отца.

Магомед ничего не успел ответить, он увидел Абу шедшего по улице, идя мимо, он поприветствовал друзей:

– Вассала вaleyкум уважаемые.

– Валеёкум вассалам Абу, – ответил Лечи.

Как только Абу скрылся из виду, Магомед, сплюнув, сказал:

– Я смотреть на него спокойно не могу, рука так и тянется к кинжалу.

– Раз Абу мешает тебе, то мой долг как твоего друга, помочь тебе убрать его с дороги.

– Ты сможешь мне?!

– Конечно. Если ты будешь слушаться во всём меня. Согласен?

– Конечно друг! – просиял Магомед.

Рассвет раскрасил всё кругом сочными, яркими красками. С вершины горы Машук, хорошо видна станица Горячеводская. Она находится в двух верстах к северу от этой горы. По периметру, станица, окружена рвом с высоким забором. Станица делилась на две неравные части, большая состоит из дубовых изб, а меньшая из мазанок выбеленных извёсткой.

Различие это объясняется просто: в 1825 году сюда переселили мужиков из России и Малороссии. Их перевели в разряд казаков. Сами новоиспечённые казаки друг друга так и звали: «русские» и «хохлы», селились они обособлено друг от друга. Русские рубили избы из дуба, привезенного из России, а хохлы строили себе хаты, из местной древесины которой вокруг было предостаточно.

В лучах солнца блестел купол церкви Успенья Пресвятой

Богородицы, что находится в центре станицы. Звонко заголосил петух Митрофана Хрипунова, а следом отовсюду понеслось радостное, петушиное «кукареку».

На вершине Машука дозор несли два казака Семён Мокрый да Ванька сын вдовицы Пелагеи-кривой. Семён зевнул и, перекрестив рот, сказал:

– Ну, Ванька, ночку мы с тобой отстояли. Осталось дожждаться смены и по домам. Я покемарю малость, а ты поглядывай.

Свернувшись на бурке, он мигом уснул. Ванька посмотрел вокруг, ничего стоящего внимания не обнаружил, и сел рядом с Семёном.

«Ноги дюже сильно гудять. Передохну трохи», – решил он, и конечно задремал. Приснилась ему черноокая цыганка Маша. Новый командир их Донского казачьего полка, полковник Иловайский, привёз из своего имения домашний оркестр и цыганский хор. Солисткой там была черноокая красавица, Маша. Молодой казак по уши влюбился в неё. Да вот беда, не было у него ни одного шанса, так как Маша была любимица Иловайского, а куда простому казаку супротив самого господина полковника! Но это на яву, а во сне бывает всякое.

Ах, что за сон приснился Ваньке этим утром! Будто миловался он с горячей, ласковой Машей. И не мудрено, что не услышал хлопец дробный стук копыт в дали.

Трое верховых гнали небольшой табун лошадей, и вскоре

скрылись из виду. Проскакав несколько вёрст, тот, что ехал впереди сказал:

– Переждём до темноты в этом овраге, а потом поедем дальше. Стреножьте коней.

– Послушай Баха, не разумней ли будет сказать дальше? – спросил Абу. – Гяуры, наверное, уже снарядили погоню.

– Если погоня идёт за нами, они пойдут намётом, надеясь догнать нас пока мы не переправились через Терек, – усмехнулся Баха, – а мы тут переждём.

– Ты старший, тебе решать, – сказал Хазболат.

Кхокху прибиралась в сакле, когда приехал Лечи, выглядел он уставшим.

– Весь день с Магомедом гоняли косулю, но она всё равно ушла от нас, – сказал брат, вешая ружьё на стену, – Кхокху, дай поесть.

– Сейчас подам. Тяжёлой, наверное, была погоня за зверем, раз ты разорвал черкеску, – улыбнулась она, – взгляни на правый рукав.

– Зацепился где то в зарослях.

– Не беда братец, я сейчас всё зашью.

Лечи принялся за трапезу, а Кхокху отправилась на свою половину штопать черкеску. Во дворе раздался голос Магомеда, услышав друга, Лечи тут же вышел к нему. Они о чём-то переговорили и сразу ушли. Кхокху отвлекла от работы соседка Аманат – десятилетняя девочка. Она часто делилась

с ней своими детскими секретами.

– Кхокху идём скорее, там Вацу убили! – возбужденно кричала девочка, вбегая в комнату.

– Какого Вацу?

– Чабана нашего, – тараторила девчонка, – скотина пришла в аул одна, без пастуха. Люди собрались и пошли искать его. Нашли за Мечиком, где он обычно пас коров. Лежит мёртвый. Идём, посмотрим, а то мне одной нельзя.

Ещё издали они увидели толпу мужчин столпившихся у тела пастуха. Кхокху узнала высокую фигуру аульного старшины Иласхана, а рядом с ним низенького Умара, отца Вацу. Девушка плохо слышала, о чём они говорили, однако разобрала, как несколько раз упоминали имя Абу. Что бы лучше слышать, она подошла поближе, и тут на ветке увидела клочок ткани, тёмно – бурого цвета, совсем как черкеска Лечи, которую она только что зашивала.

– Аманат мне некогда, я пойду, а ты разузнай всё и потом мне расскажешь. Хорошо?

– Ладно, – кивнула девочка.

Тревожно билось сердце Кхокху, ибо чувствовала она, что жизнь её круто изменилась. Девушка не находила себе места, ожидая прихода брата.

– Что там случилось? – спросила она, едва Лечи переступил порог дома.

– Абу убил пастуха Вацу, – ответил тот, снимая кинжал

с пояса.

– Кто это сказал?

– Все так считают. Вацу стреляли в спину, недалеко от его тела нашли жакх Абу. Он у него приметный, серебряный с волчьей головой на крышке. Там же Умар и его братья объявили, Абу своим кровником. Аульный старшина Иласхан согласился, что они поступают по адату.

– Но Абу не убивал Вацу!

– Ерунда! Что ты женщина можешь понимать в этом! – со злостью ответил Лечи. – Все в Иласхан Юрте знают, о том, что между ними была ссора. При этом Абу грозился поквитаться с Вацу. Как видишь, он сдержал своё обещание.

– Так уже было, – сказала Кхокху, пристально посмотрев в глаза брату.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он.

– Всё повторяется на этом свете и такая история уже была: много веков назад, лицемера Таим – ибн – Убайру подозревали в краже военного имущества. Он что бы снять с себя подозрения, подбросил часть вещей в дом одного иудея, который на суде отрицал свою вину. Пророк Магомед заступился за иудея. Он сказал об этом в Коране:

«Не будь защитником для тех

Кто вероломно предаёт других».

– Я не понимаю тебя! – ответил Лечи

– Взгляни, – девушка показала клочок ткани, – это я нашла на том месте, где был убит Вацу. Кусок от твоей чер-

кески! Как он мог оказаться там?! Ведь ты в то самое время охотился на косулю!

Звонкий голос девушки звучал не громче обычного, но Лечи казалось, что её слышит весь аул.

– Замолчи! Я это сделал для тебя! – зашипел он. – Ты же хочешь, что бы оборванец Абу женился на тебе.

Луна всё время пряталась за тучами, и ни чего не видно кругом. Эх, ночка тёмная, по душе ты влюблённым да разбойникам!

– Аллах помогает нам, – весело сказал Баха, – такая ночь в самый раз она для абрека.

– Может, скажешь, куда мы путь держим? – спросил Абу.

– Едем в Бабуков аул. Там живёт мой кунак, казак Никифор. Он поможет нам.

– С чего это гяур станет помогать нам? – удивился Хазболат.

– Он сделает это не бесплатно. Получит свою долю, – усмехнулся Баха. – Ну, вот и приехали. Остановимся в этом лесочке и переждём до утра

После утреннего намаза, Баха ушёл и пришёл через час, вместе с рослым, бородатым казаком.

– Мой кунак, Никифор, – представил он казака, – а это мои братья Абу и Хазболат.

Баха говорил по-чеченски, но казак хорошо понимал его.

– Лошадей оставите в нашем табуне, так надёжнее будет, –

сказал Никифор, – а пока пойдём трапезничать в мою хату. День побудете у меня, а завтрашней ночью поедете дальше.

Казак провёл их через посты. Хата Никифора была на самой окраине станицы. Абу с Хазболатом ни когда не были в жилище гяуров, и с любопытством осматривались. Мало чем их сакли отличались от хаты казака. В маленькой горнице из мебели, грубо сколоченный стол да три табурета.

– Оно, конечно, вам сподручнее на полу сидеть, да вы у меня в гостях, так что милости прошу к столу, – усмехался в бороду казак.

– Ничего Никифор, посидим за столом, – сказал Баха.

Гости сели, а казак тем временем поставил на стол чугунок со щами, краюху чёрного хлеба да блюдо варёной репы.

– Ну, гости дорогие поешьте с дороги, – сказал он, – а у меня ещё дельце одно будет. Отлучиться надобно. Сегодня у нас праздник, день Покрова пресвятой Богородицы. Я собрал узелок с провизией, да немного денег. Нужно тихонько отнести его вдове Матрёне Никандровой. Детей у неё, много, нуждаются они. Обычай у нас такой, в праздничный день тайком положить на крыльцо бедным узелок с едой и деньгами.

– Хороший обычай, – кивнул головой Баха.

Октябрьское солнышко пригрело Хазболата, и тот задремал в седле. Да так, что чуть было, не свалился с лошади. Хорошо, Абу вовремя удержал друга.

– Ну и джигит! – рассмеялся Баха. – Чуть было под ноги своему коню не угодил.

– Всю ночь в седле, – оправдывался Хазболат.

– Ничего скоро отдохнём, – подбодрил его Абу, – почти дома.

– Кто-то едет нам на встречу, – Баха указал рукоятью нагайки вперёд.

– Это Куира, – первым рассмотрел путника Хазболат.

– Вассала вaleyкум Куира, – поприветствовал его Баха, когда тот подъехал ближе.

– Вaleyкум вассалам добрые люди, – со страхом смотрел тот на друзей. – Вы в Иласхан Юрт путь держите?

– Что-то я не понял твоего вопроса Куира. Объясни в чём дело! – спросил Баха.

Тот посмотрел на троицу, вздохнув, сказал:

– Это конечно не моё дело, но Абу в аул ехать нельзя.

– Что ты такое говоришь Куира?! – воскликнул Абу.

– Подожди, – прервал его Баха. – Уважаемый Куира, объясни, что ты хотел сказать.

– Убит Вацу. Все решили, что это дело рук Абу.

– С чего это ты взял?! – возмутился Хазболат.

– Все знают, о том, что Вацу поссорился с Абу. Около тела пастуха нашли жакх Абу.

– Да продлит Аллах дни твои, уважаемый Куира. Прости нас за то, что отвлекли тебя от дел, – поблагодарил его Баха.

– Да поможет вам Аллах, – ответил Куира и поехал своей

дорогой.

– А ехать в аул тебе не следует, – сказал Баха, как только Куира скрылся из вида, – посидишь здесь у источника. Мы с Хазболатом разузнаем, что к чему. Вечером привезём еду и новости. Раньше не получится.

Кхокху в нетерпении ожидала Аманат.

«Негодная девчонка, совсем забыла про меня. Наверное, где то с подружками обсуждает убийство Вацу. Пойду к ней сама» – решила она, и тут же услышала голос Аманат:

– Кхокху ты дома? Выйди сюда.

Девушку не пришлось просить дважды.

– Ну что разузнала?

– Старшина объявил аульный сход, – рассказывала Аманат, – все считают, что Вацу убил Абу. Там нашли его жакх.

– Хорошо я всё поняла, а скажи, Баха или Хазболат тоже были на сходе.

– Нет, – покачала головой та, – они только что приехали.

– А ты откуда знаешь?

– Сама их видела.

– Послушай Аманат. Можно тебе попросить сделать кое, что для меня?

– Конечно Кхокху. Мы же подруги! А что сделать?

– Нужно чтобы ты пошла к Хазболату и передала ему кое, что от меня. Не знаю, как ты это сделаешь, но мне это очень важно.

– Подумаешь задача! Попрошу братишку Абубакара, он вызовет Хазболата, а я ему всё передам.

– Но помни! Об этом кроме тебя и Хазболата никто не должен знать!

– Всё сделаю, как ты просишь Кхокху.

– Хорошо, скажи Хазболату, что мне необходимо с ним поговорить. Пусть ждёт меня у Мечика, напротив сакли моей тётки Пердоз.

Абу раз десять порывался вскочить на коня и ехать в аул, но в последний момент передумывал. Баха и Хазболат помнят о нём и не оставят его в беде. Он успокаивался.

«Но Кхокху!» – пулей проносилось в его мозгу.

А если она поверит в то, что он убил Вацу?! Нужно поехать к ней, всё объяснить. Опять он вскакивал, но никуда не ехал. Перед самым закатом приехал Хазболат.

– Держи брат, оголодал совсем, – сказал он, протягивая узелок, – как ни как весь день, ни чего не ел.

Абу развязал узел, там лежали куски варёного бараньего мяса, ячменные лепёшки.

– Ну что в ауле? – спросил он.

– Плохо дело, – вздохнул Хазболат, – старшина собрал аульный сход, там все решили, что Вацу убил ты. Умар и его братья прямо там же заявили, что отныне ты их кровник, аульный сход поддержал их, заявив, что ты изгоняешься из аула, и каждый может убить тебя, отомстив за Вацу. Умар с

братьями подступились было к нам с Бахой, требовали выдать, где ты находишься, но брат им объяснил, что к чему.

– Как там моя мать?

– А ты как думаешь? – горько усмехнулся Хазболат. – Я виделся с ней, пытался успокоить, но сам понимаешь, какое тут может быть успокоение. Кстати, это не все новости.

– Есть ещё? И тоже плохие?

– Это уж тебе решать, – улыбнулся Хазболат, – я виделся с Кхокху, она просила передать тебе, что не верит тому, что говорят о тебе.

– Я хочу немедленно повидаться с ней! – вскочил на ноги Абу.

– Как же ты собираешься это сделать?

– Поеду в Иласхан Юрт.

– Как только ты въедешь в аул, тебя пристрелят как бешеного пса.

– И что ты что предлагаешь?

– Завтра вовремя утренней молитвы, увидишь её в известном тебе месте. После чего спрячешься в овраге, около Майртупа и будешь ждать меня или Баху. Ну а теперь мне пора ехать, дай мне своего коня, в аул пойдёшь пешком, так удобнее. До встречи брат.

После отъезда друга, Абу завернулся в бурку и уснул. Теперь он был спокоен.

Поздно вечером Юсап размышлял сидя у очага.

– Отец, ты так и будешь сидеть в темноте? – услышал он за спиной голос сына.

– Зажги свечи. Я задумался, и не заметил, как стемнело.

– О чём же?

– Из головы у меня не выходят слова Кхокху. Вздумалось же девчонке влюбиться в этого Абу! Вон оно как всё обернулось.

– А мне кажется, что ситуация не такая уж безнадёжная. Абу исчезнет из Иласхан Юрта, и скоро Кхокху совсем забудет его. Девчонки быстро влюбляются, но так, же быстро забывают своих любимых.

– Хорошо бы, – вздохнул Юсап.

– Поверь мне папа, так и будет. Теперь самое время дать знать Тошо, что ты согласен выдать за него Кхокху.

– Я подумаю над твоими словами.

– Конечно, – сказал Лечи, и вышел.

В полной темноте Абу пробирался по пустынным улочкам аула. Ему оставалось только молить Аллаха, что бы ни кому не взбрело в голову выйти из дому в этот поздний час. Наконец он добрался до сакли Бахи. Постучал по закрытым ставням и тотчас же вышел Хазболат.

– Проходи брат, мы ждём тебя.

– Спасибо, я ненадолго. Теперь я опасный гость.

– О чём ты говоришь Абу! – воскликнул Баха. – Ты наш гость, а значит по законам адата, мы обязаны защищать тебя.

– Кроме того, ты наш брат, – сказал Хазболат.

– И всё же братья, я не хочу подвергать вас, да и себя опасности. Глупо это, потому, я не буду у вас долго.

– Твои слова разумны, – кивнул Баха, – но тебе нужно поехать. Кто знает, что ждёт тебя впереди. Ты ешь, а потом ложись и отдохни, я разбужу тебя перед рассветом. Ты поговоришь с Кхокху, а затем отправишься к оврагу возле Майр-тупа. Хазболат приведёт тебе коня, и ты поедешь в Чиркей к кузнецу Али, пока поживёшь у него.

– Хорошо брат, сделаю всё, как ты скажешь, а сейчас я хочу повидать мать.

– Не разумно выходить от нас. Вдруг увидит кто, – с сомнением покачал головой Баха.

– Я всё же пойду. Пойми, кто знает, насколько я уезжаю.

– Не могу с тобой не согласиться, – улыбнулся Баха, – только будь осторожен.

– Не беспокойся, к своей сакле я подойду, так что никто не заметит.

Оставив отца предаваться размышлениям, Лечи отправился к Магомеду. Приятеля он поднял с постели.

– Не рано ли спать залёг друг?!

– День хлопотный выдался. У тебя что-то важное?

– А это как посмотреть, – усмехнулся Лечи. – Думаешь, если Абу исчез из аула то можно успокоиться?

– Теперь он в Иласхан Юрте вряд ли появится.

– Магомед, ты слишком безмятежен. Забыл старую мудрость? Успокоиться можно только над телом убитого врага, а нам с тобой ещё до этого далеко, потому как Абу жив.

– Твои слова справедливы. Но где сейчас Абу? Неизвестно.

– Как знать. Мне думается, Абу сейчас в Иласхан Юрте.

– С чего ты взял?!

– Они уехали втроём, а вернулись только Баха и Хазболат. Ясно же их кто-то предупредил и Абу где-то притаился. Но он рядом, и сегодня ночью наверняка придёт в аул. Нужно только выяснить, куда он пойдёт домой или к Бахе.

– Умар с братьями ходили к Бахе с требованием выдать Абу. Никакого толку.

– Конечно, иначе им быть не могло, но сейчас не это важно, – наставительно произнёс Лечи, – Абу не пойдёт в аул днём. Потому собирайся и пойдём к его сакле. Я думаю, он обязательно захочет повидаться с матерью.

– Хорошо, – согласился Магомед, – я захвачу ружья.

Лечи, всё правильно рассчитал, Абу действительно пришёл в аул. Когда друзья ждали Абу у его сакли, он был у Бахи, и надо же такому случиться, как только Магомед предложил идти к сакле Бахи и ждать Абу там, тот другой дорогой пошёл к своей сакле. Сердце Абу словно клещами сжали, едва он, увидел осунувшееся лицо матери.

– Здравствуй мама, – только и смог сказать он.

– Сынок, зачем ты пришёл?! Тебя же ищут. Немедленно

уезжай. Взгляни на карлаг у нашей сакли. Если тебя поймают, то сразу убьют.

– Я ни в чём не виноват мама.

– Эх, сынок, хочется верить, что Аллах покарает настоящего убийцу пастуха. Но тебе следует быть осторожным.

Друзья всю ночь дежурили то у сакли Абу, то у дома Бахи и Хазболата, но безрезультатно.

Перед рассветом Магомед сказал:

– Скоро утренний намаз, Абу, наверное, побоялся прийти в аул. Пойдём по домам.

– Пожалуй ты прав, – неохотно согласился Лечи.

В эту ночь Кхокху не сомкнула глаз. Как долго тянется время! К счастью всему приходит конец. Закончилась и самая долгая ночь в её жизни. Едва забрезжил рассвет, девушка уже была на ногах. Тихо, стараясь не шуметь, она вышла из дома. Призыв муэдзина к молитве застал её у условленного места. Нужно торопиться. Во время молитвы её ни кто не хватиться, а потом может позвать отец. Она подошла к ивовым кустам, к ней на встречу вышел Абу. Девушка бросилась к нему на шею.

– Я так боялась, что с тобой, что ни будь случиться! – сказала она. – Даже совершенно забыла о приличиях.

– Мне многое хотелось сказать тебе, но вот ты пришла, а я даже не знаю с чего начать, – сказал Абу, не выпуская девушку из своих объятий.

– Тогда обойдёмся без пустых слов, нам нужно говорить о важном. Ответь, что ты собираешься делать?

– Мне нужно уехать, – вздохнув, сказал Абу, – сердца моё разрывается, от одной мысли, что возможно мы видимся в последний раз милая моя.

– Почему ты так решил?

– Я изгнанник, и не могу разговаривать о калыме с твоим отцом. Он не захочет иметь со мной дела.

– Но ты, же говорил, что любишь меня?!

– Я готов повторять это снова и снова.

– Вот видишь! А для любящих сердец не может быть преград, если они хотят быть вместе.

– Что ты хочешь сказать?

– Укради меня!

– Кхокху, я вынужден покинуть аул, не знаю, что ждёт меня в будущем. Как же я могу подвергать опасностям и лишениям свою любимую.

– Милый мой Абу, отец собирается выдать меня замуж за своего кунака Тошо. Жить с постылым мужем, зная, что где то твой любимый, намного хуже, чем скитания и бедность. Поверь мне, все трудности для меня ничто, если ты будешь рядом.

– Что ты предлагаешь?

– Сегодня я скажу отцу, что хочу навестить своего дядю Умара в Энгеное. Завтра, ты заберёшь меня оттуда.

– Но твой отец и брат станут моими кровниками.

– Я поговорю с Умаром. Мой дядя мудрый человек и всё поймёт. Он объяснит моему отцу, как обстоит дело.

– Я благодарен Аллаху за то, что он послал тебя мне!

– Я напомню тебе эти слова, – улыбнулась девушка, – теперь мне нужно возвращаться. До встречи милый.

Чмокнув любимого в щёку, девушка убежала. Счастливый Абу отправился к источнику, и совершенно позабыл о бдительности. Вместо того что бы подальше отойти от аула, и идти, в обход, Абу пошёл напрямую. Когда он проходил мимо сакли Магомеда, тот вышел помочиться. Судьба, как известно, благоволит к влюблённым и дуракам. Может поэтому Магомед не заметил его. Абу успел отпрыгнуть за забор. Дальнейший его путь прошёл без эксцессов. В условленном месте его уже ждали Хазболат и Баха.

– По твоему довольному виду понятно, что свидание у тебя прошло успешно, – сказал Баха, – это хорошо. Значит, в дорогу отправишься с лёгким сердцем. Конь твой отдохнул. Так что в путь.

– Благодарю вас братья за заботу, но я должен ещё остаться здесь до завтра.

– Не понимаю тебя! – Баха посмотрел в глаза Абу.

– Я уеду завтра, но не один, а с Кхокху.

– Ты что собираешься похитить её? Тебя и так обвиняют в убийстве пастуха, а ты ещё собираешься украсть девушку! Ты хоть соображаешь, сколько у тебя после этого будет кровников?!

– И все-таки я сделаю, так как сказал. Кхокху сама просила меня об этом. Отец собирается выдать её замуж, и она предложила мне похитить её.

– Она подумала о том, что ждёт вас?! – воскликнул Баха.

– Кхокху разумная девушка, она всё взвесила и знает, на что идёт.

– Ты слышал Хазболат? Вот такую жену нужно искать себе! – воскликнул Баха. – Знаешь что, поезжай-ка ты вместе с Абу. Поможешь им обустроиться. Согласен?

– Ты говоришь мудро брат, – улыбнулся Хазболат.

– Я знаю, – вздохнул Баха, – да будет милостив к вам Аллах.

Через два дня по Иласхан Юрту разлетелась новость, Абу украл в Энгеное дочь Юсапа. Снарядили погоню, но найти их не удалось. Пропал так же Хазболат. Старшина Иласхан вновь созвал аульный сход. Призвали к ответу Баху, но тот заявил, что Хазболат уехал по делам в Гергебиль, а где находится Абу, ему ничего не известно. Как не кричал Юсап, обвиняя Баху в пособничестве Абу, прямых улик против того не было и сход так, и разошёлся ни с чем. Вечером этого же дня к Лечи пришёл Магомед, он буквально светился от счастья.

– Я сегодня виделся с Петимат, она сообщила, что согласна выйти за меня замуж. Обещала завтра же поговорить со своим отцом. Спасибо тебе друг за всё.

– Рад за тебя Магомед, – ответил Лечи.

– Я не для того пришёл к тебе. На сходе твой отец объявил, что считает Абу своим кровником. Я твой друг, значит, ты всегда можешь рассчитывать на меня.

– Да возблагодарит тебя Аллах за слова твои Магомед! Как знать, может скоро мне понадобится твоя помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.